

ПАРАМОНОВСКИЙ ПАТЕРИК,

ИЛИ СКАЗАНИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯНИЯХ ОЦОВ ПАРАМОНОВОЙ ПУСТЫНИ.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ.

Здесь изложены, дорогой читатель сих строк, правдивые истории о жизни и деяниях подвижников наших дней, мужей славных и не очень, добропорядочных и не совсем, идущих по пути Божия промысла и блуждающих, держащиеся твердого и прямого Пути и бледущих околицами. Постигших путь гносиса и тех, кто лишь постигает его, смиренных и буйных, тех, кои взошли на высоту добродетели и тех, кто лишь на пути восхождения. Их всех объединила славная и великая Парамонова пустынь, находящаяся в пределах когда-то известного большого города, Парамонополя, ныне покоящегося в руинах, на берегу Танаиса.

То, что собрано здесь, не является плодом выдумки и фантазии (конечно не обошлось без некоторой литературной обработки, но все же мы старались сохранить орфографию и стиль подлинника), но истории записанные со слов самих насельников пустыни, или их учеников, или – даже – учеников учеников, свидетелей их деяний и тех, кто лишь слышал о них от старших наставников. Мы посчитали, что многое из происходившего в те времена не должно быть предано забвению, но сохраниться в памяти. Посему собрали различные свитки, из коих в наших руках были, как сборники апофтегм, так и сочинения самих насельников: дневники, воспоминания и различные хроники. Все это собрав и изложив здесь, мы смиренно предлагаем наш убогий конспект – по сравнению с богатым наследием и преданием об отцах Парамоновой пустыни – на твой суд, читатель.

Верхняя Александрия, год 1603 от
основания Парамонополя.

ЧАСТЬ I < ПАРАМОНОВСКИЙ ЦИКЛ >.

1. СКАЗАЛ как-то авва Терентий авве Хомонию: «видел я тебя сегодня ночью возносящимся на небо». «Правда, отче?!» - обрадовался Хомоний. «Истинная правда. А потом низвергнулся ты в болото». – «Да ну», - задумался Хомоний и, пав старцу в ноги просил у него прощения со слезами, говоря: «Я тебя люблю». «Чудный ты, Хомоний», - сказал авва Терентий и отпустил его с миром.

2. (а) Братия просила авву Киндея сказать тост. "Тост" - сказал авва Киндей. Братия подивилась смирению аввы и испила от чаш своих, хваля Господа. <E>

(б) А что такое " тост "?- спросили братия,- Уже ли и вы не разумеете? Слово сие означает " Ты Осуетился, Терентий" - Воистину велик ты, авва воскликнули братия и пропели ему многая лета. <K>

(в) Один только Терентий остался печален. Выйдя из трапезной, он пошел по направлению к своей келье, раздумывая о словах аввы Киндея. И се, Ангел предстал ему, и глаголил тако:

- Ты в печали Терентий, из-за слов аввы Киндея?

- Это так,- ответил Терентий, - Я не понимаю, что значит осуетиться. Ангел отвечал ему:

- Значит забыть о первом и главном.

- О чем же? - вопросительно всмотревшись на лик своего хранителя, спросил Терентий. Ангел сказал:

- Когда левое сделаешь правым, а правое первым, забыв о том, что знаешь и вспомнив о том, что позабыл, тогда уже ни спросишь меня ни о чем. После этого Ангел исчез. <E>

3. Блаженная сестра Анфуса сказала как-то авве Проклу:

- У нашего аввы Терентия только одно и на уме!

- Интересно, что же?

- То, что у всех на уме одно!
- Анфушенька, скажи прямо – что именно?!
- То же что и у него!
- Поведай сестра это авве Киндею, он муж весьма мудрый, что скажет то и сотворим! <А>

4. Однажды ночью, когда авва Киндей прилежно молился, явился ему бес видимым образом, дабы устрашить его и сказал ему: "Киндей! Убирайся с этого места, если же нет - весьма пожалеешь." Авва же, нимало не смутившись, отвечал ему: "Слишишь, ара, убирайся сам, ибо вся земля наша!" Услышав сие слово, бес исчез, яко исчезает дым.<К>

5. Однажды, быв в Духе, авва Герохд пришел в покаянный молитвенный экстаз, так что даже сочинил псалом. Утром, после положенного правила авва Герохд встретил авву Ура. - Я написал псалом,- сказал Герохд, слушай: Помилуй мя Боже... (и т.д. прочитал весь 50-й Псалом).

- Но это же Давида псалом,- заметил Ур.
- Какой удар от классика,- сказал Герохд, весьма опечалившись.
- Это тебе для смирения,- сказал Ур.<Е>

6. Сказывают о нем (о Герохде), что он происходил из Вавилона, первоначально его звали Герхвн, что значит гнев (даже грех) Вавилона, но когда он удалился в Парамнову пустынь, отцы переименовали в Герохда, что значит отпущение Вавилона.<Е>

7. Однажды авва Киндей, после своего правила (а он с юности держал за правило выпивать по три чаши вина утром, после полудня и вечером), начал напевать: Ой скрузи мои, скрузи... Проходя мимо, авва Терентий заинтересованно спросил: о чем поешь ты, авва? Не знаю,- ответил авва Киндей,- просто

пою. Мимо них проходил авва Гедеон, увидев их, он остановился и сказал: Братья сегодня неделя о расслабленном и я скажу вам слово назидания. И он стал говорить и говорил долго, так что авва Киндей даже уснул, а Терентий несколько раз незаметно уходил и возвращался, и приговаривал: да, да, верно отче. Закончив, авва Гедеон, ушел от них и отошед недалеко поймал авву Ура и авву Перикла, и Герохда и др. с ними и сказал им тоже слово. Тем временем пробудился авва Киндей и стал усердно вспоминать слова песни, которую напевал.<E>

8. Пошли как-то блаж. Анфуса и авва Прокл к авве Киндею, спросить у него: что же на уме у Терентия. Пришли к Киндею, а он как раз творил свое правило, увидев их, он сказал: "Эк... сами с усами". Услышав это, подивились они прозорливости его. <E>

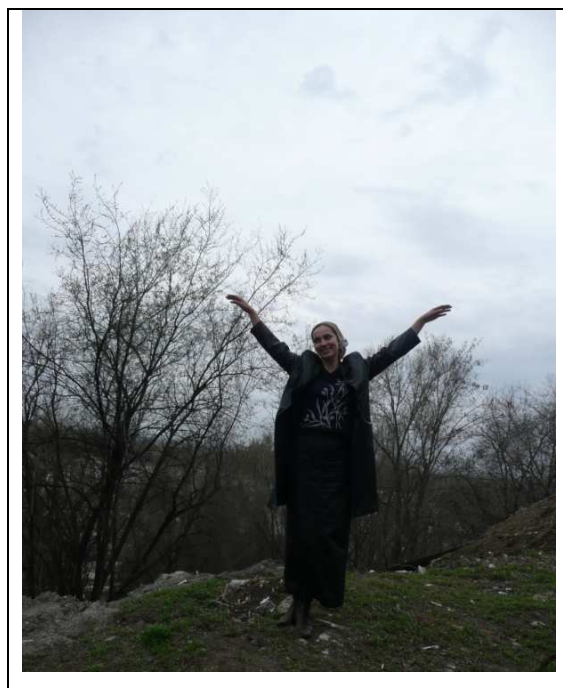
9. Пришли как-то авва Киндей и блаж. Анфуса к авве Терентию и спросили его: " Отче, почему говоришь ты, что авва Прокл - командир дивизии алкашей, что означает сие?" Терентий, возмущившись духом, взглянул на блаженную и сказав: "Дура, блин!" запустил в нее пустой кувшин и заперся в своей келлии.<K>

10. <История блаженной аммы Анфусы, составленная на основании слов ее самой и свидетельства братьев>

Умолчим о жизни блаженной в миру, ибо поведав о ней оскверним и самый воздух, но

Блаженная Анфуса, цветок Парамоновской пустыни.
--

Бог, хотящий всем человекам спастися, несколько лет тому назад, посетил ее тяжким недугом, так что не могла она ни ходить, ни есть, ни спать и так продолжалось не малое время. Тогда стала блаженная со слезами молить Господа да простит ей грехи ее многие и восставит со ода болезненного... Милостивый же Господь, вняв молитве ее, сподобил причаститься Св. Таин на седмице Крестопоклонной и припасть к животворящему

Древу, после чего даровал ей исцеление и великую радость на Пасху, так что не знала она где находится - на земле или на небе. Вскоре, презрев все мирское, удалилась в Парамонову пустынь и долгое время пребывала в ней, не видя лица человеческого... Потом, однако, стала приходить в обитель аввы Терентия, измазавшись в грязи и всегда держа в руке своей цветок.<К>

По прошествии некоторого времени стала известна блаженная мудростию и подвигами, так что превзошла многих из отцов, чему дивились, прославляя Бога многие из братьев, а другие завидовали ей. <Е>.

11. Авва же Терентий говорил всем, что Анфуса в прелести и увещевал братию бегать женщин и епископов.<К>

12. Однажды авва Киндей и брат Николай работали в поле, и брат Николай нашел пакетик с какой-то травой. Что это, - спросил авва Киндей? И взяв у него это, понюхав, и обрадовавшись, положил в карман. Выбрось это, - испуганно сказал брат Николай, - это же конопля. Да какая это конопля, - сказал авва Киндей, - это петрушка. Затем авва Киндей поспешно удалился. Несколько дней братия не видели авву Киндея, а некоторые даже помышляли:

не случилось ли что-нибудь худое. Только брат Николай ходил печален. Когда же вернулся авва Киндей, все обрадовались, что он цел и невредим. <Е; Кин.>

13. <Сказание краткое об авве Прокле>.

Авва Прокл пришел в пустынь из далека, потому и отцы нарекли его Проклом... Еще Прокл не отличался святостью жизни и мудростью, как прочие отцы, и был недалек, а также казался отчужденным, сам себе на уме, так, что его называли аутогстэхэйном...<Е>

14. < Сказание о жизни и подвигах аввы Киндея>

Авва Киндей, придя в пустынь, всецело предался подвигам, а также очень любил что-нибудь подвигать и всякие движения, за что и был назван Киндеем, что значит "подвижный". <К>

Происходил же он из Великой Армении, и часто рассказывал, что у них там остановился Ковчег, и рай был насажден там же, и что они первые из всех народов приняли Христа. И вообще говорил, что "вся земля наша"... <Е>

Авва Киндей, неподалеку от своей келии в дальних скитах

А также всегда строго держался своего правила, не давая себе и малого послабления.<К>

15. (а) Авва Терентий, любил повторять: бегайте женщин и епископов. Однако же, сам, то и дело, иногда пренебрегал сим правилом. Однажды вечером он направился в келью к блаж. Анфусы. Подойдя к двери, он увидел тело разлагающегося животного, которое поедали черви, а на двери надпись "это Анфуса, любовь твоя". Раскаялся тогда Терентий и ушел прочь.<Е>

(б) Терентий часто повторял: " Братия, бегайте женщин и епископов", однако сам бегал только епископов... Зато женщины его бегали, и Терентий весьма скорбел об этом. <К>

16. "Скажи слово назидания отче!"- попросил авву Терентия ученик."Если скажу слово, земля содрогнется и камни сии возопиют"- смиренно ответил авва."Предадимся лучше безмолвию!"-сказал ученик. <А>

17. Тот самый авва написал по просьбе братии "Житие мое" заключающегося в трех словах:1) Аз есмь пёс смердящий; 2) Кто ты человеке яко хочещи судитися с Богом? 3) Слава Богу вразумившаго мя! Братия слезно просила авву написать, что-нибудь ещё.<А>

18. Авва (Терентий) говорил: Спор - это спор, а Истина - это Истина. В споре рождается Истина, да ни как родиться не может. Любовь - это благо, а ненависть - ложь. Молитва - это то, что Бог дал или нет. Благие намерения остаются благими намерениями. Аз есмь пес смердящий и прочее.<А>

19. Юноша в печали спросил: "Авва, можно ли мне жениться, и если да, то на ком?!" "Жениться тебе можно, но я знаю трёх жен, и все-огонь: адский пламень, домашний очаг и огонь ревности по Богу. Выбирай сам!" - ответил авва Терентий и улыбнулся.<А?>

20. Однажды авва Терентий послал sms авве Проклу: «Первопричина страсти невежество отчасти. Отчасти нечувствительность души и гордость, мать всех зол... И вот любовь становится несчастьем Евангельский уже не жжет глагол и ты как белка в колесе. "Достойнейший" из тварей, ты ведь умер, а мнишь себя живым -вот страсть во всей красе. Аминь». Авва же Прокл ответил ему: «Я тот мертвец, которого воспели мне уста твои. В долине смерт-

ной, в глубоком рве, могиле пребывая, я пищею страстей стал: тех, что сам вскормил». <А; Е>

21. Сказал авва Прокл: Есть два рода христиан: одни живут от поста до поста, другие от праздника до праздника, но блаженны и те и другие. <Е>

22. Сказала как-то блаженная Атэкуса: Может быть, что мы на земле лишь для того, чтобы увидеть человека, и ощутить его как повод для любви (так сказала она, потому что авва Прокл был грустен и искал у нее утешения). <В>

23. Авва Прокл сказал как-то авве Киндею: вино тебя погубит. На что авва Киндей премудро отвечив: да, но и тебя тоже. Оба разошлись, получив немалое утешение. <Е>

24. Авва Киндей сказал как-то авве Проклу: ты осуетился. На что Прокл ответил: и ты тоже. "Но зато я первым тебе это сказал" - ответил авва Киндей. Оба разошлись, получив немалое утешение. <Е>

25. Авва Перикл написал как-то на дощечке следующие слова: «Упал, чтобы оказаться на своем месте, слишком высоко себя вознес; упал, чтобы прозреть где был слеп; упал чтобы лучше чувствовать где был бесчувственным; упал чтобы оглянуться назад и вспомнить себя; упал чтобы лучше понимать Бога ибо все во Благо!» И прикрепив ее, так ходил между братией. Братия же немало дивилась этому. (С; Е).

26. Однажды авва Ур сказал авве Проклу и блаж. Анфусе: «нЕкогда афинский стратег Хабрий высказал очень значимую и для нас мысль: Армия баранов под предводительством льва (в нашем толковании из колена Иудина)

сильнее армии львов под предводительством барана». «Велик ты, Ур, - сказал ему Прокл, - ибо даже и еллинские мудрования можешь ты обратить и приспособить к Истине». <Ю; Е>

27. Прибыл как-то в пустынь, проходя те места, знаменитый анакорет авва Парамон. Узнав об этом, собралась братия, чтобы получить от святого назидаение...

Вопросил авву Парамона отец наш Киндей: авва, почему у меня нет памяти смертной? Ответил ему: ты ищешь смерть впереди, но обратись назад, вот она дышит тебе в затылок.

Вопросил авву Парамона авва Терентий: почему братья отвергают мое начальство, я старше их всех и более их в трудах, да и отцы благословили меня начальствовать? Ответил ему: ты хочешь одного, думаешь другое, и планируешь третье, и делаешь четвертое, а выходит у тебя пятое.

Вопросил же авву Парамона Прокл: авва, не нахожу успокоения сердца. Ответил: блажен, кто удалился от мира не с тем, чтобы изменить обстановку, но чтоб измениться самому.

Вопросил авву Парамона и Перикл: что мне скажешь, святой? Ответил ему: величие твое ничтожно (а Перикл похвалялся пред братией философией), оно не даст тебе наследство в Обители Бога, если не смиришься, в простое сердца...

Вопросил же Пароэн: меня обуревают печаль. Ответил ему: ты говоришь: моя жизнь – это скука, пока не нальешь себе чарку вина. Когда же выпьешь вина, то говоришь: следует знать меру, но где же эта мера и как ее узнать.

Подошла же и Атекуса. Старец сказал ей: что тебе? Ответила ему: мне хорошо. Ответил ей: вот тебе хорошо со мной, а хорошо ли тебе с Терентием? Нет, - сказала блаженная. А почему? – посмотрев на нее, сказал старец. Не знаю, - сказала блаженная. А я знаю, - тихо произнес авва Парамон, - я знаю,

есть пять Атекус: одну, знает братия, другую близкие, третью враги, четвертую я, пятую Бог. <E>

28. Блаженный авва Парамон, почтеннейший старец, благословенный многими летами и украшенный сединами мудрости... Сказывают еще, что авва Парамон был главой всех анахоретов, превосходя всех в премудрости и рассуждении, так, что всякий анахорет и келлиот искали лицезреть его, дабы получить назидание...<E>

29. [Сказывали об авве Киндее, что] Авва Киндей не только сам строго держал свое правило, но и ревновал о том, чтобы братия исполняли его, поэтому, когда был в силах, ходил по келлиям с увещеваниями, а по утрам бил в било, созывая нерадивых.<K>

30. Вконец осуетившись, авва Терентий стал бродить по ночам вокруг келлии блаженной Анфусы и не раз покушался взломать дверь (Анфуса же пребывала в покое, ибо всегда крепко спала после вечернего правила), и так продолжалось долгое время, пока авва Парамон, узнав об этом, не сказал ему: "Терентий, ради этого ли пришел ты в пустыню? Любовь Божия слаще любви девицы?" Услышав это, Терентий прослезился и направился к авве Киндею искать утешения.<K>

31. Пришел как-то авва Терентий к авве Парамону и просил: "Скажи, отче, почему блаж. Анфуса такая страшная и все время валяется в грязи?" "Это чтобы братья не могли в нее влюбиться", - отвечал великий старец. "А почему она такая мудрая, что дивятся многие братия?" "А это чтобы братья смирились и прославили Бога, могущего не только из камней сих воздвигнуть чад Авраама, но и немощной жене даровать разумение."<K>

32. Усомнился авва Терентий простыми словами богомудрого аввы Парамона, и пошел за утешением к авве Уру (авва же Ур сведущ был в эллинских мудрованиях). И паки спросил Ура: «Почему блаж. Анфуса такая страшная и все время валяется в грязи?» Ответил ему Ур: «А это, чтобы ты не мог влюбиться в нее». «А почему она такая мудрая, что дивятся многие братия?» Ответил ему: «А се соделал Бог, чтобы она не влюбилась в тебя», - и громко засмеявшись, ушел проч. <Ю>

33. Однажды Прокл поддался искушению и пошел к блуднице и, когда был на пути к ней, вот видит ее идущую. "Куда ты идешь?"- спросил он ее. "В пустыню, для того, чтобы встать на место отступника"- сказала она. Отрезвили ее слова Прокла и он побежал обратно, горько плача. И когда бежал Прокл, обливаясь слезами, вот видит авву Парамона. И зовет его святой. Тогда подходит Прокл, не смея и посмотреть на старца. И говорит ему авва Парамон: «творил я свое обычное правило, как вдруг предстал мне Ангел и прорек: *авáл агéм аввá агáр ойá* {что значит по евр. - *летал, упал в духе возжелав, соберет горе*}. Тогда стал я усердно молиться за душу брата до глубокой ночи. И вот, тот же Ангел предстал мне и сказал: *ахáр* {евр. - *отменится*}. Тогда стал я благодарить Бога, продолжив молитву до утра. Когда же показался первый луч солнца, вышел я посмотреть все ли братья на месте и, вот, вижу тебя и рад, что ты на месте». Тогда разрыдался Прокл еще более, упал в ноги старцу, исповедуя свое искушение. «Знаю, знаю дитя, - сказал святой, - что беда грозила тебе, ибо твоего ангела видел я в видении. Ступай же к братии и крепись». <Е>

34. Однажды авва Гедеон пошел проповедовать буддистам. «А кто по-твоему Будда?» - спросил его первый встреченный им буддист. «Дерьмо на палочке», - ответил авва. Буддист тут же достиг просветления. Авва же Гедеон

двинулся дальше. В историю дзен он вошел как Махапереспористас, что значит: Великий Невменяемый Бодхисаттва Запада. <Ю>

35. Авва Киндей имел пристрастие к группе ДДТ. И все было бы ничего, но только часто после своего вечернего правила воспевал он гласом велиим: «Онанизм и сама жалость наверно все меню на ужин мне...» Новоначальные братия соблазнялись о нем и, по прочитанному где-то совету, пытались покинуть «душевредное гнездо порока». Правда на выходе из пустыни их останавливал авва Гедеон и говорил: «Я скажу вам слово поучения, братья...», и они засыпали в воротах, так и не покинув обители. После своего утреннего правила, будил их авва Киндей: «Люби всех нас, Господи, громко», и оттаивали боголюбивые души новоначальной братии. <Ю>

36. Авва Терентий любил ночью помузицировать и, когда молодая братия засиживались в трапезной допоздна, то богомудрый авва Парамон не обличал их, а посылал авву Терентия что-нибудь им сыграть и они довольно быстро расходились <Ю>

37. Пришла однажды ночью блаж. Анфуса к авве Парамону в глубокой печали, и святой принял ее, т.к. было открыто ему Господом, что душа ее болезненна в ней; спросила она человека Божия: «Авва Парамон, скажи, почему так трудно найти человека единомысленного, по сердцу своему?» «Правду сказала ты, - отвечал святой старец, - ибо и премудрый Соломон вздыхал, что мужчину одного из тысячи он нашел, а женщину между всеми не нашел. Впрочем, не отчаивайся: подражать должны мы нашему Господу, а Христос на земле был одинок, но находил утешение в молитве к Отцу Небесному, так станем делать и мы». <К>

38. Авва Прокл очень любил острить, как-то раз послал он блаж. Атэкусе sms: «блажен тот, кто не строит планов, ибо всегда найдется кто-нибудь, кто их нарушит». Через некоторое время он послал ей sms: договориться о встрече с ней, излагая свои планы. Отвечала ему блаж.: «блажен тот, кто не строит планов...» <E>

39. Авва Терентий любил говорить о себе: «я гений, парадоксов друг». Ибо, действительно, в жизни его было много парадоксального, например, он хулил вино и пил его; любил и, одновременно, ненавидел Анфусу и Атэкусу, считал курение грехом, а сам курил... <E>

40. Однажды произошел раскол между обителем аввы Терентия и скитоначальником Уром и тех, кто с ним, ибо Терентий обвинял их в том, что они не пренебрегали эллинскими и халдейскими науками, и, по надобности, использовали их, часто имея разговоры с философами и учеными. Произошла распря между Уром и Терентием (а это случилось у келии блаж. Анфусы, когда авва Терентий, в очередной раз посягал на нее, а Ур и авва Африсий хотели отклонить его от этого), так и случился раскол между братией и Ур удалился в дальние скиты Парамоновой пустыни, где спасались Киндей и ученик его Хомоний. Удалились же вместе с Уром и Перикл, Прокл, Пароэн и прочие. <E>

41. Терентий же собрал собор, вошедший в историю, как Собор из 3-х, и решили они не иметь общения с братьями из скита. Прокла же уличил он в причастности к оккультизму, на основании того, что Прокл знал халдейские науки (Прокл сам был из халдеев и в прошлом был одним из халдейских ученых). Обвинял же он, между прочими, и Киндея, и говорил, что вся эта шайка в страшной прелести, так что нет нам общения с ними. <E>

42. Авва Киндей, узнав о соборе 3-х, находясь же в дальних скитах Парамоновой пустыни, сказал авве Проклу: «я – Православный, сын Православного, за веру ли в Воскресение Сына Божия судят нас!?» Были же с ним из братьев: Ур, Перикл и прочие, так что собралось их шесть, не считая женщин. Авва же Киндей взяв слово, сказал: «Мужи, братия по какому праву судят нас?» Напишем послания, решили братья, одно к авве Парамону, а другое к авве Терентию. Так и поступили. Текст же посланий был таков:

{Список с послания к авве Парамону}

«Блаженнейшему авве Парамону, святейшему отцу нашему, которого любим во Истине, радоваться!

Дошел до нас верный слух о деяниях аввы Терентия, что он, собравши собор из братьев своей обители? Решил не иметь с нами общения, по причине того, что мы стали причиною соблазна некоторых из его братии. Мы же, хотя и сознаем свое несовершенство и то, что мы во грехах наших, но зловерное что-либо и не помышляли по отношению к ним. В том же обвиняет нас авва Терентий, что мы, будучи на совместной агапе, повели себя недостойно, выпив много вина, стали развращать братию, хотя мы не развращали, не затевали ни драк, ни скандалов, никому не докучали, да и не кто нас не обличал в чем-то непристойном (по крайней мере, открыто). Обвинил же он авву Киндея в том, что тот пьяница (хотя сам Терентий не раз напивался, но да не в осуждение ему сие упоминаем), а авву Прокла в том, что он хиромант, потому что стал он гадать блаж. Анфусе на руке, а когда некоторые из дев, присутствующих там увидели это, то стали просить Прокла, чтобы он гадал и им, но Прокл не гадал, а подшучивал над братьями и девами, несколько раз говоря им, зачем вы верите в гадания, ведь это не правда. Ничего же другого мы не сотворили безчинного.

Просим тебя, святой отче, вразумить нас, как поступить нам. Просим же паки и святых молитв твоих о нас.

Желаем здравствовать. Целуют тебя братия и чадца твоя: Киндей, Перикл, Ур, Прокл, Герохд, Хомоний и прочие.

Сие же я, Прокл, написал со слов братии».

{Здесь конец послания}

Авве Терентию же написали: «Терентию, истинному отцу и брату нашему во Христе Иисусе, радоваться.

Почто гониши нас брате? Неушто чем прогневали тебя блаженный. Если же так, то смиреннейше просим простить нас и смягчить суд твой о нас. Ибо мы не помышляли зла ни в отношении тебя, ни в отношении кого-либо из твоих. Мы так же не ищем вражды с тобой, но ищем мира и не желаем разделений, ибо одно с тобой мыслим во Христе, одно взыскуем, одного чаем. Будь же справедлив к нам и, паки глаголим, будь милосерд к нам.

Мир ти, во Христе Господе нашем». Написав сии два послания и, запечатав их, послали чрез Хомония, который и доставил их: одно святому авве Парамону, другое – авве Терентию. Через два дня пришел брат от св. Парамона с посланием и отдал его братьям скитским и авве Терентию. Написал же богумудрый Парамон дословно следующее:

«Мирись с соперником твоим пока ты еще на пути с ним и да не зайдет солнце во гневе вашем. Дети мои, смиренно прошу вас, я, старец недостойный пред Богом, Парамон, чтобы вы имели мир между собой, к которому призвал нас Владыка Христос. Непрестанно поминаю вас в молитвах моих к Богу. Ибо вы все дети мои, видя же вас враждующими, исполняюсь великой скорбью. Примиритесь: вот мое слово вам. Не ищите разделений, ибо вы все одно – в Господе, не помышляйте: кто более из вас велик, ибо вы все Господни, не полагайте соблазнов, ибо Один Господь: Великий и Праведный, Милосердный и любящий вас. Храните мир, возлюбите тишину, будьте единомысленны.

Сие же написал я вам, многогрешный Парамон. Поминайте меня в молитвах ваших. Лобызаю всех вас и люблю во Христе Господе и Спасителе нашем».

Когда же послание сие было прочитано братьями, то исполнились все благоговения и плакали. И пошли братия скитские в обитель к авве Терентию пасть ему в ноги и просить прощения. И на пол пути встречают его самого с братьями идущего к ним. И повстречавшись, пали все на колени друг пред другом и просили прощения и плакали, обнимаясь и лобзая друг друга, и каждый говорил друг другу: «прости меня отче, ибо сильно я виноват пред тобой».<Е; Г>

43. Пошли братья к авве Киндею, и вот, на пути к нему зрят в кустах лежат женские покрывала, называемые: стринги. (Авва Африсий даже сфотографировал их) Заспорили меж собой братья. Сказал авва Ур: это демонское наваждение. Перикл же сказал: но ведь стринги настоящие. Все посмотрели на то место, где они лежали, а затем и на фото, и там проявились. Настоящие, - сказал Африсий, - иначе не проявились бы. Да мало ли чьи это, может это разбойничье дело, - сказ Пароэн, - известно же всем, что шайка Понироса ютится в этих краях. А хорошие стринги, - сказала Атэкуса. Можно нам их взять? - добавила Анфуса. Нет, - воскликнули братья в один голос. Возьмите их, - спокойно сказал Киндей, представши, вдруг, пред братией. Узрев его, братья смутились, наконец, сказал Прокл: обличить желаем тебя: ты принял жен и поступил с ними худо. Да, - сказал воздыхая авва Киндей, - но я и не помышлял, что выйдет так. И поведал он братии такую

Те самые покрывала, которые братья обнаружили по пути в дальние скиты, неподалеку от келии аввы Киндея.

историю: «Творил я обычное свое правило, как, вдруг слышу, зовет меня некто. Выхожу, и вижу: две жены стоят. Говорю им: что вам нужно? Говорят мне: принесли тебе приношения. Я сказал им, что не нуждаюсь ни в чем, но, рассудив сам в себе, взял у них приношение. Они говорят мне: благой отче,

скажи нам, что делать нам, чтобы посетила нас благодать? Я же, весьма удивившись такому их вопросу, ответил им шутливо: что делать, что делать – снимать трусы и бегать, и отошед от них, затворился в келии своей. Услышав эту историю, братья рассмеялись, авва же Киндей позвал их к себе на чай. По пути же встречают св. Парамона, которого провожал, держа под руку, блаженный Хомоний. Он спросил у них о причине их веселья. Они же пересказали ему всю историю. "Да-а, - протянул св. старец, - верующий, в надежде снискать благодать сделает все". Взглянув на всех братьев и улыбнувшись, он прибавил: "Жаль, что многие взыскивают ее с неподобающим безрассудством".<E>

44. Отправились однажды амма Платонида, блаженная Руфина и блаженная Анфуса в близлежащий город, дабы посетить книжную лавку. Прибыв туда блажж. Руфина и Анфуса спросили мать Платониду: «Амма, в твоей келлии великое множество книг, успеваешь ли ты читать их?» На что старица отвечала: «Нет, сестры, но один вид их пробуждает во мне ревность о добродетели!» «Аминь», вздохнули сестры и отошли в свою Пустынь, подъяв немалый труд, чтобы дотащить мешки с книгами.<K>

45. Мать ПЛАТОНИДА пришла в Пустынь после того как побывала во всех обителях страны той и любила напевать: " Широка страна моя родная!", а также была человеком широкой души, широких взглядов и широкого всего

остального, потому отцы и нарекли ей имя ПЛАТОНИДА, что значит " широкая ". <К>

46. Однажды в руинах Паранополя недалеко от логова шайки Понироса, братия услышала странности: шорохи и всхлипывания и стоны. Демон, подумали братья. Сказал Прокл: давайте позовем Герохда, он же экзорцист. Привели Герохда к месту тому. Пришел Герохд, и говорят ему: авва, изгони демона, ибо вот уже третий день, как наблюдаем странности на этом месте. Сказал им Герохд: я буду молиться, и вы молитесь со мной. И встала братия на молитву.

Так молясь, Герохд, провел довольно времени. Затем встал и, с великим дерзновением возгласил: ану! Убирайся отсюда, а то сейчас милицию вызову! И абие два нагих силуэта, выбежав с того места, разбежались в разные стороны и скрылись. Ого, - сказал Африсий, - два демона. Да, - согласились прочие братья, и разошлись по келиям своим. На след. утро пошли некоторые из братьев к святому Парамону и рассказали историю о демонах и о чуде, которое сотворил Господь, по молитве Герохда. Похвалил святой Герохда и сказал: демоны бесплотны, но плотопохотливы, эти же и плотяны и похотливы. Похоть же уравнивает и плотяного и бесплотного, вы же ревнуйте о бесстрастии, которое уравнивает человека с ангелом. <Е>

47. Авва Ур нес подвиг молчания, однако вел пространные беседы с братией на языке жестов. Однажды он возвращался в свою келлию упал и сломал все пальцы. Авва Ур смиренно прославил Бога за воспитательную снисходительность.<АжЮ>

48. Авва Ур в крещении был ботаником, ибо наречен был Георгием (землеробом), в палестре был «ботаником» ибо учился на «отлично», и в академии был «ботаником», ибо изучал галлюциногенные растения и только настоящим ботаником в миру авва Ур так и не стал, ибо не мог отличить бледную поганку от подберезовика. Когда же пришел он в обитель, авва Парамон спросил его: «Для чего ты пришел сюда, сын мой?» [Ответил ему Георгий:] «Учиться истинной философии, отец мой». [Сказал тогда святой ему:] «Будешь ботаником и в крестьянском труде постигнешь истинную философию». И послал Ура трудиться на дальнее поле. <Ю>

Авва Ур – скитоначальник
братии.

49. Как-то раз, глубокой ночью, раздался оглушительный вопль на весь скит, так что братия, авва Прокл, Перикл и Гедеон во главе со скитоначальником Уром выскочили из своих келлий и устремились в ту сторону, откуда исходил крик. Оказалось, исходил он из келлии аввы Киндея, который продолжал издавать неразборчивые звуки. Войдя внутрь келлии, братия увидели авву Киндея метающимся по полу и смогли разобрать слова, которые он выкрикивал. " САВВА! СА-А-А-ВВА", - взывал он. "Зовет какого-то Савву", - сказал Перикл. "Наверное, ему было видение", - предположил Прокл. "Может быть это демоны?" -вопросил Гедеон. Ур же сказал: "Нет, братия, "савва" по евр. означает "вино", авва Киндей просто уснул, не выполнив свое вечернее правило и теперь кошмары мучают его. Принесите ему три чаши вина!"... Братия поспешила исполнить слово аввы Ура. Киндей, осушив три чаши, уснул сном младенца и после той ночи стал еще больше ревновать о своем правиле... Братия же стали сугубо молиться о нем Богу.<К>

50. "Все вещи истлевают от употребления" – размышлял авва Гедеон сидя на белой полосе у Меотидского озера, "человек не есть вещь в себе, но употреб-

ляя и употребляясь подвержен тлению. Где исход? Мыслимо ли не истлевать?" "Батя, огоньку не найдётся?", прервал размышления аввы отрок с "зубочисткой". "Бог есть огонь поядующий" - отвечал авва,- "я же когда-то по рождению был крысой, по звёздам стрельцом, бредил огнём, и сжёг не одну тысячу ведьм на костре, так-то, чаю, мой брат во Христе". "Упс...ежели я вас чем огорчил, любезный..." – молвил отрок в глубочайшем смущении (будучи не чужд жизни вечной). "Помилуйте, помилуйте!" – восклицал авва. Отрока впоследствии прозвали Периклом.<СТ>

51. Однажды, авва Киндей творил свое правило, а было уже поздно. В это время, разбойник Понирос и его правая рука Арес, прокрались в его келлию. Киндей же их не заметил, они же хотели обокрасть его, ибо знали, что недавно две богатые матроны принесли ему приношение. Арес же, случайно оступился, так что произошел великий шум. Киндей же, исполнившись благоговейной ярости, сказал грозно: «разве я не говорил тебе, ара, чтобы ты убирался с моей земли?» И, взяв свой посох, с великой дерзостью стал колотить пришельцев, так что они еле унесли ноги свои. Сделал же так авва, думая, что это опять пришел тот бес, который докучал ему намеренно, ибо он не узнал Ареса-косоного из шайки Пронироса-кровожадного. И, прогнав их далече от себя, вернулся в келлию свою и молился до утра. Утром пришли к авве Киндею Прокл и Перикл, утешить его. Киндей же сидел, потупивши взор и преклонивши лице свое долу. "Наверное он в шоке после встречи с бандитами", - сказал Прокл. "Ка-ак с бандитами, - протянул Киндей, моментально придя в нормальное состояние, - так это были бандиты!?" "Да, - сказал Перикл, - злобный Понирос и его шайка". Огорчился тогда авва Киндей, сказав: "тяжко я поступил с ними, горе, горе мне!" Сказ ему Перикл: "что ты говоришь, зачем жалеешь их, это забытые Богом, звери, а не люди". "Нет, ты не прав, - ответил Киндей, - у Бога не забыта никакая душа, возстанем, братия, со мной,

помолимся о братьях наших заблудших, ибо скорбит душа моя о них". Такова вера святых, ибо они и врагов своих любят.<Е>

52. Авва Терентий был весьма властолюбив и неоднократно домогался подчинить себе авву Ура с насельниками скита и всю братию Парамоновой пустыни. С этой целью не раз приходил он в скит и убеждал братию выйти из скита, обвиняя их в гордости и "праздном богословии", и указывая на евангельские призывы к единству. Братия же, дорожа своим уединением и отвечая, что единство должно быть в главном, а в прочем - свобода и во всем любовь, оставались в своем скиту снисходительно относясь к немощам Терентия и по временам посещали его обитель, окормляя живущих в ней. Один только Перикл приходил в велие смущение от посягательств Терентия и, когда он появлялся в скиту, абие бежал в дальнюю Пустынь (где пребывала блаж. Анфуса), вопия: " Нас хотят спарить!", после чего братия подолгу тщетно искали его... Но проходило время, и авва Терентий просил прощения у братии скита, чему братия были от души рады и прославили Бога, умягчившего сердце его. Но всякая тварь подвержена изменениям и в каждом человеке бывают перемены как в воздухе, так и Терентий, руководимый плотским мудрованием, вновь начинал, восхвалять свою обитель, одновременно уничижая подвизающихся в скиту братий, в особенности авву Киндея, авву Прокла и блаженную Анфусу за их "бесчинства", а также с гневом обвинил амму Платониду в лицемерии. Братия же, вздыхая о немощах аввы Терентия, молились о спасении души его.<К>

53. Встретились как-то Великим постом авва Терентий с аввой Проклом и говорит авва Терентий авве Проклу: «Привет, у тебя есть духовная квазимотивация экзистенциального модуса бытия?» «Нет, - ответил Прокл, - я просто пребываю в состоянии кенотического анабасиса». Авва же Терентий сказал

ему: «Прокл, Прокл, опять ты сублимируешь явно нетождественные понятия, причем периферийного характера. Будь проще».<А; Е>

54. Однажды, авва Гедеон, пройдя мимо Меотидского озера, узрел женщин, которые валялись в грязи. "Сдаётся мне, это вы худое замыслили" - молвил авва (притом, будучи он на грани искушения, зрел в мечтах). "Отчего, так мыслишь ты авва?" - спросили подвижницы. "Оттого, что жена, не будучи грязью, рождает великое, и не по временам, и не по исходу, а лишь по любви, предоставляет себя для воплощения величайшей надежды рода человеческого - спасения". "Однако, ты философ", рекли жены. "Нет", молвил авва, мудрым был лишь, Тот, Кто сказал: "жены любовью своею рожают царей нам и всех людей могущих управлять и не только. От них рождаются вообще все (2 Ездр.4:15-16). Ибо муж без жены, есть дух блуждающий и скорбящий. А жена без мужа есть земля безводная и пустая. Посему сестры, сообразуйте с вашими мужьями. Ежели нет таковых, молитесь Господа всяческих, чтобы даровал вам по воле Своей, либо бесстрастие, либо мужа достойного вашей любви бескорыстной и жертвенной, что впрочем не так просто получить, как хотелось бы вам, ни то, ни другое, не приходит случайно, как может казаться невеждам". Некие жены, сие слово, услышав, рекли меж собою: "безумствует авва, не знаящи женской природы, другие Бога молили - Великий! Дай нам прикоснуться к познанию!" Сам Гедеон, поднимаясь по берегу, взором окинув красавиц, лишь головою качал, что знаком служило: "Ба! Чуден Ты Господи, и в женском обличии Тебя узреть завет не из лёгких для мудреца, ибо, будучи плотью, плоть он вкушает сначала".<СТ>

55. Сам авва Гедеон, происходил родом из разбойников (казаков), но своею беспринципною жестокостью и наглостью, а также беспримерным анархизмом, перещеголял своих собратьев. В бытность своей языческой жизни, имел авва прозвание Сэм, то ли от схожести с заморскими висельниками, то ли от

любви к напиткам, изготовляемым по рецептуре Остапа Марии Бендер Бзя, известного мага и волшебника. Поклонялся он тогда не Богу

всяческих, а кромешной тьме (и всему что в ней), железу, духам, приходящим в видениях (галлюцинациях), которые вызываемы были при посредстве снадобий. Отличался тогда он крайней не терпимостью, лукавством и коварством, и был известен как первейший подлец, плут, циник и расхититель. Некие языческие жены

пытались уловить его при помощи колдовства в сети семейного лона (как не странно они чтили святость брака), но ему милее были дикие степи, костры, грабежи и оргии. Один Бог знает, чем бы всё это закончилось, если бы не милосердие Всевышнего, который дал "язву" в тело его (2Кор. 12:7-9), и сказал: "эрхомаи каи блепо". Что значило - иди и смотри (Откр. 6:3).<СТ>

56. Когда блаженная Анфуса удалилась из обители аввы Терентия, не стерпев его выходок и страстных посягательств, то стала замечать, что и в скиту она являлась объектом особого внимания меж братии. И как только она пыталась им не нравиться, мазалась грязью и т.п., все равно каждый из братьев, всякий раз видя ее, пытался "поухаживать" за ней. Кто, видя ее несущую кувшин с водой, подбегал и помогал ей. Кто, видя ее занятой на поле, или в ее небольшом цветочном садике, всячески предлагали свои услуги. Так же и под всяким благонамеренным предлогом приходили братья к ней в келлию. Так поступали все братья скита, соревнуясь меж собой, кто более ей услужит. Даже и авва Ур стал присылать ей стихи. Блаженная, видя такое к ней отношение, не знала, как быть ей, ибо, с одной с стороны ей было приятно, но с другой она приходила в великое смущение, ибо думала, что волей-неволей является соблазном для братии. Так что решила она идти к св. Парамону: взять благословение, чтобы покинуть ей скит и уйти в совершенное уедине-

ние. Итак, приходит блаженная к святому и видит его сидящим у келлии своей. Подходит к нему и изливает думы сердца своего. Говорит же ей: "это ли смущает тебя, что братия любят тебя во истине, что приняли тебя, как сестру возлюбленную, единомышленную с ними и родного по вере человека? Возвращайся обратно и не смущайся и не бойся, ибо тот, кто истинно любит, тот не посягает".<E>

57. Однажды, глубокой ночью, в то время как авва Парамон прогуливался по Пустыни творя молитву, (ибо любил он предаваться молитве ночью, когда все вокруг дышало безмолвием), слышались тихие шаги. Это была блаженная Анфуса, искавшая духовного утешения. "Отец мой," - промолвила она, поклонившись ему, - "скажи мне, что делать, чтобы не разочаровываться в себе самой и в ближних своих?" Святой отвечал ей: "Что спрашиваешь меня об этом? Разве не знаешь, что всяк человек – ложь? Да, все мы призваны к совершенству Отца Небесного, но каждый далече отстоит от него. Не ищи ни в себе, ни в ближних своих безгрешности и постоянства, которые свойственны Одному лишь Христу, Его же да возлюбим всем сердцем своим." "Помолись обо мне, человеце Божий," - сказала блаженная и удалилась восвояси.<K>

58. Атекуса – ниневитянка и по происхождению и по образу; по жизни – рысь, гуляющая сама по себе. По вере – у-Богая; по воззрению – свободная. Она жила сама по себе, почти не общаясь ни с кем из братии, кроме Прокла. Прокл же шутливо любил называть ее "блаженненькой" и "Кратилой", и говорил о ней: "огонь и вода".<E>

59. Однажды Перикл вступил в спор с аввой Уром и аввой Проклом, а поспорили они о философии. Первый утверждал важность и превосходство ее, вторые же тщетность. Спор закончился анафематствованием Периклом обоих

авв. Ибо Перикл сказал: «я анафематскую обоих вас». На что Прокл ответил: «Именем Платона ли анафематствуешь?» «Останемся при своем», - сказал Ур. После сего братья перевели разговор о других предметах и мирно разошлись по келлиям своим. Ночью же видит Перикл сон: Однажды Ур и Прокл оказались на олимпе. Недолго думая они обозвали всех олимпийских богов бедами, за что Зевс поразил их перуном и заключил в тартар. Они же наделали там много шума, поэтому Плутон, повелитель подземного мира, сильно испугавшись их речей, отпустил столь странных варваров в мир земной.<C; E>

60. Однажды пришел к Проклу один тинейджер, который имел любовь к Богу, но еще не пришел час его, и спросил авву: "что должно бояться мне?" Ответил ему: "Бойся, юноша, больше всего юности, бойся жен с горящими глазами и холодными сердцами, нежных снаружи, но как скала внутри". Отошел юноша, думая про себя: "Че за попса?"<E> И направился к авве Парамону. Рассказал он ему о словах аввы Прокла, святой же ответил ему: "Истину сказал тебе Прокл, ибо знает он это из своего опыта, но еще больше должно тебе бояться жен с горящими сердцами, когда горячность их отвратится от любви к Богу".<K>

61. Авва Перикл, напившись во время агапы сладкого вина, и после агапы, когда братья пошли в келлию к авве Гедеону (ибо авва Гедеон позвал Прокла и Перикла к себе в гости), стал философствовать и спорить, и безумствовать, говоря:

Авва Гедеон спорит с Периклом о философии

«Все есть необходимость, что философия превосходнее теологии, ибо в первой свет разума, а во второй слепая вера; и что мир, и все вообще диалектично».

И когда аввы Прокл и Гедеон спросили: «И даже Бог?» Он ответил: «Диалектика есть исхождение Бога в мир...»

Спор между тем затянулся, так что аввы успели законспектировать несколько литров пива. Наконец, авва Гедеон сказ Периклу: философия, конечно же, это хорошо и Платон¹ мне друг, но Истина дороже, а в нашем же понимании Истина это Христос, – пояснил Прокл. <E; СТ; С>

62. Однажды, выпив вина, спросил авва Терентий блаженную Анфусу: "Что мне делать?" "Смирись под крепкую руку Божию и вознесет вас в свое время", - ответила она ему. "Супер!" – воскликнул Терентий и смиренно допил оставшееся вино.<K>

63. Авва Прокл изрёк авве Терентию: "О тебе потешаются не только анахореты но также и блаженная Анфуса!!" На что Терентий сказал: "Велик ты Прокл и чудны дела твои и намерения твои Господь целует, но не превзошел ты ещё авву Хомония хотя бы в малом!" На что Прокл, Киндей и вся Парамонова Пустынь сказали: "Аминь."<A>

64. Однажды авва Терентий и Прокл стояли и беседовали о различных вещах: квазимотивируя свои тайные мысли, подвергшиеся легкой сублимации. Мимо же проходил авва Хомоний и, увидев их, пал пред ними ниц со словами: я люблю вас братья. <E>

¹ Схолия Исолофея Библиотекаря: «Доподлинно авва Гедеон сказал: Сократ мне друг, но истина дороже».

65. Однажды к Проклу пришел один философ и, хотя испытать его, спросил: "скажи, авва, почему Ориген, изъясняя Писание, предпочитал аллегория, а не буквальный смысл?" Прокл же ответил, шутя: "боялся, наверное, лишиться глаза и руки, ибо однажды, поняв буквально Писание, сделал над собой насилие".<E>

66. Однажды авва Гедеон повстречал авву Терентия, Терентий же, в продолжении длительного времени занимался удушением змия, а также был обеспокоен в борьбе с расколом гистрионов (актёрствующих). Авва Терентий обратился с вопросом к авве Гедеону: "отчего это ты авва всегда одинок? Нет тебе приюта, а ведь не хорошо быть человеку одному, ты вина с братией почти не пьёшь, супружницы не имеешь, вечно о чём-то размышляешь". На что Гедеон ответил: "ты учитель израильтян и не знаешь сего"? "Чего"?, - удивился авва Терентий, - "а того, что блажен и евнух, не сделавший беззакония рукою и не помысливший лукавого против Господа (Прем.3:14)". "Ааа, воно как, а я брат сознаюсь - грешен бо есмь аз, и не как не сообразил, что нужно поступить по примеру блаженной памяти александрийского дидаскала Оригена" - молвил Терентий. "Ну в этом ты авва не преуспел, все впрочем делают или мыслят нечто не в соответствии с предназначением, но дело ведь не в том, чтобы не иметь, а дело в том, чтобы не желать. Да и к тому же, под евнухом здесь понимается отсечение всего лишнего в духовном смысле, отнюдь не в плотском. Духовный евнух чётко знает свою цель, он отрезает от себя, то чем в любом случае не может в должной мере воспользоваться". "Как же быть"? "Познай Премудрость, и приими огонь".<СТ>

67. Авва Перикл, отличался нравом несговорчивым и подозрительным. Во всём авва видел подвох, и стремился найти изъян. Любимым его соображением, была диалектика. "Могут ли быть у мёртвой собаки живые блохи, - взвешивал авва, - или со смертью выше означенной субстанции, паразити-

рующие субъекты покидают материю разлагающейся особи? С другой стороны, эманации погибшего объекта могут ли, некоторым образом, производить метемпсихоз в сущностях зависимым от протоматерии." Обеспокоенный этими космогоническими проблемами становления вселенной, авва зачастую не замечал происходящего вокруг. А вокруг, цвела весна, и ровным счётом никому не было никакого дела касательно мёртвой собаки, разве, что бродячие гиены выражали интерес к подобному роду пище. Философы же, и в частности богословы, упрекали авву в занятиях пустых, приводя ему на память Тита Лукреция Кара, который так и не смог докопаться до природы вещей вне познания Всевышнего.<СТ>

68. Терентий, умягчившись сердцем, скорбя о том, что порою бывал груб в разговорах с блаженными женами Парамоновой пустыни, начал составлять в честь их хвалебные песни: "Радуйтесь, блаженные Анфуса и Руфина, известных обителей похвало и украшение", писал он и плакал от умиления.<К>

69. Авва Терентий исполнял послушание в трапезной и весьма любил свое дело, и, часто, готовя еду, любил петь акафисты (собственного сочинения). Так, жаря баклажаны, он пел: "Радуйся, баклажане, на сковороде велелепно красующийся. Радуйся, баклажане, чрево братии зело питающий и проч.»<Е> [Или же, готовя суп гороховый] «Радуйся, суп гороховый, смиренню нас научающий...»<К>

70. Однажды, молясь, авва Прокл просил у Бога дух мирен, и окончив правило вышел из келлии, дабы посмотреть, что делается в монастыре. И вот, подходит к нему один брат и говорит: "Привет. Ты под-мышками потеешь?" "Ну да", - отвечает смущенно авва. "А под слонами тоже? - ехидно добавляет брат тот, и смеясь отходит... Смущился авва, подумал: "Что это с ним?.. А, да

ну его!" И не успев отойти от места того, как встречает его другой брат. "Ты с-утками спишь", - говорит ему. "Да нет же",- отвечает Прокл. "Тогда с курами, что ли?" - говорит ему тот брат и уходит прочь... Возмутился Прокл, подумал: "идиотизм какой-то". Идет дальше и видит некоего брата, как он слушает тяжелый рок и подпевает в такт, хрипя что-то невразумительное. Подходит к нему Прокл и говорит: "Ты как больной" и покрутив пальцем у виска, отходит от него, приводя его в немалое удивление... И

вот идет он дальше, в прескверном настроении, и видит: стоит овца, одиноко привязанная к крестообразному древку, отдельно от прочих овец, которые паслись неподалеку... Недоумевая причину сего, думает Прокл: "Отвяжу эту овцу и отведу к прочим, дабы не стоять ей одиноко". И как только помыслил сие, вдруг, обращаясь к нему, рчет овца та: "Прокл, разве избравший путь одиночества ищет ли сообщество с праздными людьми? Не более ли того желание его прийти к себе, стяжав дух мирен и дух покоен?"... Услышав это, Прокл остолбенел и так простоял в недвижении какое-то время. И придя в себя, видит, что подле него нет никого. Тогда бежит он в монастырь и передает братии чудо сие. Но братья осмеивают его...

В монастыре даже появилась такая шутка: "Слышали историю о Валаамовой ослице? Услыште же и о Прокловой овце". Кто-то смеялся, некоторые же братья задумались. И только Прокл был как никогда серьезен... <E>

71. Мудрейший авва Ур, часто беседовал с братией и паломниками, они же всегда с упоением его слушали, некоторые и записывали его слова. Еще авва Ур был беспринципным критиком. Однажды, попала к нему одна статья... Он стал ее читать и, по временам, возмущался и говорил: "бред какой-то". Когда же прочел коллофон, то весьма удивился, ибо там было написано: "Из беседы аввы Ура".<E>

72. Когда авва Гедеон пришел в Парамонову пустынь, повстречался ему авва Терентий, который возжелал принять его в свою обитель, и начал беседовать с ним. Гедеон поведал ему о своей прежней жизни и о намерении сердца своего подвизаться в скиту аввы Ура. Терентий же предостерег его сказав: "Да, скит аввы Ура прославлен подвигами его насельников далеко за пределами Пустыни, и многие ревнители безмолвия стремятся туда, но только лишь преуспевшие в трезвении и превзошедшие естества чин способны безопасно находиться в скиту, ибо есть в нем некий таинственный цветок: кто смотрит на него очами духовными - не терпит вреда, но чье око не свободно от похоти, тот, увлекаемый ею, удобно падает". "Не разумею, о чем говоришь ты, авва". "Говорю я о блаженной Анфусе, которая приходит иногда в скит увидеться с братией, которые любят ее истинно. Многие, понадеявшись на свое безстрастие, забыв осторожность, вступали в общение с ней и давали место в сердце своем диаволу, который впоследствии уводил их в мир. По этой причине и я не живу в скиту, и увещаю вверенных мне братий бегать женщин и епископов, хотя, будучи псом смердящим, исполняю слово сие лишь на половину", - изрек Терентий и, прослезившись, ушел прочь. Гедеон же, не без тайной гордости почитавший себя одиночкой, не внял предостережениям Терентия и направился в скит. Вонмем!... Придя туда, повстречал он блаженную Анфусу и, как и прочие братия, захотел чем-нибудь угодить ей, а однажды сопровождал ее до келлии и даже покусился войти внутрь нее, но блаженная непустила его. Тогда стал он присылать ей стихи, вначале – о Боге и о Любви и она отвечала ему стихами. Затем начал Гедеон присылать ей комплименты и говорить: "Вижу, что ты из огня и хочу видеть тебя лицом к лицу", смущая блаженную; и она перестала отвечать ему, ибо понимала, что это происки бесов, которые не могли повредить блаженной явным образом, т.к. она не боялась их ужасного вида, и потому восставали на нее через людей, и вот теперь через авву Гедеона, который начал, пользуясь Св. Писанием убеждать ее спастись чадородием и цвести красотой взаимной любви. На что

блаженная отвечала, что рядом нет человека, который привлек бы сердце ее. Гедеон же, будучи богатырского телосложения и не лишенный красноречия, исполнившись дерзновения, спросил: "Как? Неужели нет достойных? А Я? Неужели я обманываюсь в своих надеждах?" "Да," – отвечала блаженная. "Что-то в тебе не так, – огорченно сказал Гедеон, – я думал ты огонь, а ты, оказывается, мягкая, но холодная"... "Возможно, но вот, Господь любит и таких", - отвечала она. "Наверное, это следствие пережитого, - продолжал Гедеон, - но жить прошлым глупо, как и наслаждаться бесконечным самобичеванием". Блаженная же рекла ему: "Я живу не прошлым, а милостью Божией, самобичеванием иногда мучаюсь, а наслаждаюсь, когда Господь сподобит, покаянием и молитвой". И не успели они договорить, как вдруг послышался дикий рев, подобный рыку льва, услышав который Гедеон содрогнулся и пал на землю, аки мертвый. Но это был не лев, а проходивший мимо авва Герохд, который любил сочинять песенки и тихо напевать их, гуляя по пустыни. Был же он экзорцистом и бес, вселившийся в авву Гедеона, услышав звук гласа его, абие изшел из Гедеона и более не приближался к месту тому.<K>

73. Авва Герохд, был просто тяжелейший тип подвижника. Каждый день и каждую ночь он мучил себя душераздирающими воплями дум - метала. И настолько преуспел в этом, что крики блудливых мартовских котов и похоронные процессии, для него были сродни Мендельсоновскому маршу. Он изводил себя (и окружающих) бесконечно вопросами: "я свободен? Ну, скажите, я свободен?" Окрестные аввы уже мало обращали на него внимания, но для вновь обращённых поведение Герохда вызывало немалое смущение. Например, когда они видели его в арамейских шортах бодро вышагивающим (поражёнными дистрофией ногами) по направлению к центру Парамоновой пустыни. В особенности авва видел подвиг в том, чтобы "рычать", так он понимал способность прославления Всевышнего. Всё происходящее он воспринимал сквозь призму рока и парапсихологии, войдя в помещение, авва тут же

отыскивал астральное поле, садился посреди него и, раскачиваясь "рычал" песнопения. Некие злоумышленники утверждали, что в своих песнопениях авва призывает "мать моржиху", однако он оспаривал их, уверяя, что никакого отношения к эпосу народов крайнего севера, лично он не имеет.<СТ>

74. Авва Ур, чрезвычайно любил проводить лекции, тут он чувствовал себя в своей тарелке и плавал как рыба в воде. В особенности авва потешался над новообращёнными, ставя их в тупик двусмысленными выражениями и малопонятной терминологией. Время от времени авва то сбрасывал, то отращивал бороду, приводя в немалое замешательство своих учеников, появляясь среди них в самые неожиданные моменты... С аввой Терентием, Ур не очень ладил, чем это было вызвано, то ли оранжевыми демонами страсти, то ли нерасположением "ботаника" к "хлебодару", прочие аввы и ученики не знали. Ходили слухи, что в языческую бытность Терентий, пропитывал хлеба канабисом, что Ур, в свою очередь, тогда считал святотатством. Полагая единственно верным, "употребление сей чудо - травы, без примесей лишних". На этом "каноническом" вопросе, аввы разошлись еще, не будучи в подвижниках. Позже, уж взявшись за общее дело, никак не могли признать главенство другого. Терентий считал Ура - заумным, тот отвечал полнейшим презрением к выпадам "гуслиста".<СТ>

75. Авва Терентий, часто упрекал жен (Анфусу, Атэкусу и пр.), что они нарочно красят краской лицо, и хотя Атэкуса горячо уверяла авву, что сие действие необходимое условие в отпугивании демонов, Терентий никак не хотел поверить этому соображению. Продолжая упрекать жен, он говорил: "знаю я вас". Но что именно авва знал, никому не было известно. Рассказывали, что в прошлом авва повстречав ночью на улицах Вавилона некую жену (с боевым раскрасом и причёской гурона), бежал с криком: "Ма-ма-а-а!!!" Опасаясь насилия со стороны дородной девицы. <СТ>

76. Собрались как-то аввы Прокл, Перикл, Герохд и блаженная Анфуса на агапе, аввы сокрушались о том, что мало жен в Парамоновой пустыни, Перикл же сказал: «Одна лишь блаженная Анфуса не гнушается нами». «Это потому, что превзошли мы естества чин», - отвечал Прокл, допивая вторую бутылку пива... <K>

77. Рассказывали о чудном Хомонии такой случай: Приходит, однажды он в обитель св. Георгия, там несла послушание амма Платонида-странноприимница. Он же, увидев ее, подошел к ней и стал рассказывать о своей учительнице, одной блаженной, которой Господь даровал дар великой любви к ближним. И как она научила его всех любить. "Я всех, всех люблю", - говорил он. И так заговорился с ней, что опоздал на обед... И когда поднялся в трапезную, то видит уже пусто, но амма Трапезунда была еще там. Подходит к ней. А она как закричит на него: приперся к шапочному разбору, нет ничего, вовремя приходите надо. Но Хомоний принял это все смиренно, как и учила его блаж. Тихо процедив сквозь зубы: "я тебя люблю", он выбежал из трапезной, хлопнув в сердцах дверь.<E>

78. Блаж. Амма Платонида была великим книгочеем и если выбиралась в город, то напрямик направлялась в книжную лавку, где покупала множество душеполезных книг, истрачивая все свои средства. Прокл говорил о ней, что у нее в этом отношении гусарская хватка, ибо она напоминала ему известного гусара, который говорил: «Все за "Сибирскую корону"».<E>

79. Авва Пафнутий был великим подвижником и серьезно относился ко всему. Более же всего радел он о хранении себя. Производил он вид большого ребенка. Радости и скорби принимал он по-детски. Если чем был недоволен или огорчен, то удалялся от братии и пребывал в одиночестве, насупившись

и надув губы. И как только братия не пыталась утешить его и смешила его и успокаивала, но непоколебим пребывал Пафнутий. Только одно выдавало в нем мужа: любил он выпить пивка, да не простого, но изысканного. Тогда походил он на английского сэра, важно попивая дорогое пиво и хваля жизнь. <E>

80. Однажды, сидя у своей келлии, Терентий увидел проходящего мимо Прокла, который спешно шел куда-то, неся с собой котомку.

– Куда ты идешь, брат, - спросил Прокла Терентий?

– Ухожу, - ответил Прокл.

– Куда, - недоуменно спросил Терентий?!

– Я иду к монахам, - сказал Прокл, - ибо желаю соревноваться с ними в подвигах. Рассуди, Терентий, в чем я им уступаю: ленив, суетен, криклив, обжора, пьяница, невоздержан, нетерпелив, надменен, тщеславен, горд. Вот и пойду к ним, может и не превзойду всех их в этих "добродетелях", современного монашества, зато найду себе там надлежащее место...

– Не хочешь ли ты сказать, - как бы испугавшись чего, спросил Терентий, - что ты отправляешься на Восток, в ту знаменитую обитель и поселишься среди трудников?

– Именно так я и хочу поступить, - ответил Прокл.

– О, Боже, - вскричал Терентий, ухватившись руками за голову, - не губи себя брат Прокл! Затем, как бы опомнившись, спросил: а ты взял благословение у отца нашего Парамона?

– Нет, - ответил Прокл, - забыл в суматохе.

– Так иди и возьми, - бесцеремонно произнес Терентий, сделав очень серьезное лицо, давая этим понять, что его слова не обсуждаются.

– Пойду, - сказал Прокл.

И они разошлись по сторонам своим: Прокл пошел к св. Парамону, а Терентий занялся своими обычными делами, ибо он очень любил... <далее часть

текста в рукописи отсутствует> После чего брал гусли и наигрывал разные лирические мелодии. Придя же к св. Парамону, Прокл, подошед к нему, склонился для благословения.

– Итак, ты надумал уйти из Пустыни, - спросил Парамон, и не дожидаясь ответа, сказал Проклу, - но разве таков твой путь?.. Мой учитель, Псомфомфаних, которого встретил я в Александрии еще в молодости говаривал мне... <далее часть текста отсутствует> считая себя неблагонадежным, хотел совсем покинуть то место, и хотел начать карьеру военного. Тогда мне оставалось лишь выйти за ограду, умом же я уже давно вышел за нее. И вот, подошедши к воротам, я почувствовал некое недомогание и рассудил сам в себе: сегодня останусь здесь, а завтра пойду. Но на следующий день повторилось то же, и так на протяжении трех дней. Тогда я решил не покидать места сего, и вот, уже 48 лет я живу отшельником и не жалею об этом, напротив весьма радуюсь в Господе за оказанную мне милость.<E>

81. Братия Парамоновой пустыни не только упражнялись в подвигах, направленных на подавление телесных движений и аффектов, но и в богословских дисциплинах. Некоторые из братии составляли и книги. Так Прокл писал исторические труды (из истории Церкви и св. отцов), Перикл, непрестанно упражняющийся в философии, составлял философские трактаты. Гедеон писал эссе религиозно-философского характера с апологетическими целями. Терентий, как известно, сочинял акафисты и различные духовные песнопения, любя напевать их во всякое время и репетировать с блаж. Руфиной. Писали и другие из братии Парамоновой пустыни, труды их тщательно собирались, некоторыми из усердных братьев, так что со временем собралась в пустыни знаменитая Парамонова библиотека. В ней хранилось множество кодексов и свитков – памятники гения наших подвижников. Например, стоит упомянуть о «Мемуарах» Герохда, которые начинались такими словами: «Я стар, очень стар: Я SUPER STAR...» <E>

82. Однажды, Прокл и блаж. Анфуса были в городе. День клонился к вечеру и Прокл, проходя по базару, который находился неподалеку от церкви Св. Георгия, купил пиво. А сделал это он потому, что был великий праздник. Анфуса же рассудила что пиво без рыбы - не хорошо. Но т.к. на базаре рыба была плохого качества ("попахивает", - говорила блаж. Проклу), то они зашли в "Перекресток". Они ходили по огромному этому магазину, раскрыв рты и дивясь разнообразию продуктов, представленных там. Наконец, они дошли до холодильников с рыбой и мясом. Тут все и началось. А случилось вот что: когда подошли они к холодильникам, то донеслись до слуха Прокла звуки: "Му-у-у у-у-у". "Ничего себе, - подумал Прокл, - живая корова". Прокл стал осматриваться и искать то место, где была корова, и откуда доносились звуки "му-у-у". Тогда он обратил внимание на дверь за холодильником, подумал: "там корова, наверное". Пошел он к Анфусе и говорит:

- Знаешь, а здесь живая корова.

- И где же? - говорит ему блаж.

- Да там за железной дверью, - и Прокл указал на дверь, - слышишь, мычит?

"Му-у-у, у-у-у" - донеслось снова.

- Ага, слышу, - сказала блаженная.

Между тем, к ним подошла продавщица. Прокл сказал ей:

- У вас здесь живая корова?

- Где? - удивленно спросила продавщица.

- Да, за той самой дверью, - указав на дверь, сказал Прокл.

"Му-у-у у-у-у" - послышалось снова.

- О, слышите, мычит? - сказал Прокл.

- Да, слышим, сказали блаж. Анфуса и продавщица.

- Но этого не может быть,- сказала продавщица.

- А кто же тогда мычит? - спросил Прокл.

Все снова прислушались. "Му-у-у у-у-у".

- Так это же из холодильника звуки, - сказала продавщица и рассмеялась. Рассмеялась тогда и Анфуса. Но лишь Проклу было не до смеха, т.к. он не мог толком понять: что делает корова в холодильнике. <Е>

83. Как-то раз авва Терентий, возревновав не по разуму, решил усугубить свои подвиги: стал меньше пить и курить и, дав обет вскоре прийти в меру древних отцов, даже сбрил себе бороду. Однако вскоре возомнил себя весьма преуспевшим в подвижничестве и стал превозноситься над братьями, за что попущено было ему впасть в великое искушение: вселился в него падонкафский бес. Дух сей был весьма лют и если вселялся в кого-либо, то не давал этому несчастному говорить по-человечески, например, когда Терентий хотел с кем-то поздороваться - вместо "привет" у него получалось "превед", а если к его келлии приходили путники и вопрошали кто живет в ней, то слышали из-за двери: "Йа Дерендий, йуродыва-прасырливый" и в недоумении шли искать себе другое пристанище. А однажды пришел он к авве Хомонию и попросил пить, сказав: "тай бить", Хомоний же, навывший незамедлительно исполнять всякое послушание и подумав, что Терентий повелел ему побить его, схватил близлежащее полено и самозабвенно начал колотить изумленного авву, который, насилу вырвавшись, бежал прочь с криками: "Жудь! Ужоз! Убывайуд!" После сего случая авва Терентий, покаявшись, дал обет молчания и падонкафский бес оставил его. <К>

84. Прокл тяготился и стеснялся всего и всех. Казалось, что он смотрит на все с высока и ни во что не ставит всех и вся. Он был так отстранен от всех, что никто не мог определить в точности, что у него на уме. Философ, - говорили одни, - безумец, - отвечали другие. Он искренен, - замечали одни, - он не честен, - рекли третьи. Он умеет любить, - говорили некоторые, - да он утратил эту возможность, - отвечали им другие. Но этот муж сильно и не вдавался в

подробности того, какие слухи ходили о нем. «Всяк человек ложь», говорил он. <N>

85. Авва Прокл и авва Киндей, находили утешение в философском общении. Как и прочие подвижники, аввы старательно плющили мозг и смиряли плоть эллинскими винами и напитком германских варваров. Набравшись порядком, аввы принимались за обычное для мозговиков занятие – они созерцали вечность. При этом Киндей любил декламировать откровения философа кинической школы (последователи Диогена) Шнура, например следующее: «www Ленинград, www точка ru,» или: «когда переехал не помню». Тем самым он намекал, что он везде и всюду дома. Полагая, что просторы Великой Армении включают в себя и Скифию. Повстречав однажды (благодаря Провидению) брата Гедеона, Киндей и Прокл стали громко его призывать через улицу. Гедеон же сперва не поверил своим глазам, увидев «воскресшего» Киндея, и на ум ему сразу пришло: «выйди вон Лазарь, выйди вон, вот и вышел». Потом он подумал, не наваждение ли это? Но убедившись, что перед ним не демон, а действительно авва, живой и невредимый, Гедеон приветствовал братьев лобызанием святым. Затем последовала дружеская беседа, на берегу Танаиса. Причем аввы дружно пришли к выводу о развратности нравов среди филистимлянок. Поскольку те нарушали своим откровенным присутствием мирной покой пустыни. Тут к случаю помянули печальную участь Самсона, и провозгласили тост за упокой. Впрочем, как написано о нём: «свидетельствован в вере» (Евр.11:39). <СТ>

86. Однажды, прогуливаясь вблизи Парамоновой пустыни, аввы Киндей и Прокл, размышляя о прожитом дне, вдруг увидели авву Гедеона. Вид его был странным. Прокл, заметив его, как тот выбежал из магазина и перешед через дорогу, хотел было скрыться в темном переулке, но через минуту вышел оттуда. Шел он петляя, озираясь по сторонам удивленным видом, так что соз-

давалось такое впечатление, что Гедеон заблудился. Наконец, авва Киндей стал призывать авву: «Брат Гедеон! О, брат, Гедеон!!!» Когда же брат Гедеон узрел брата Киндея, то хотел было броситься на утек, крестясь и крича: «Чур! Чур меня!» Но, присмотревшись и увидев, что рядом с Киндеем стоит и Прокл, он остановился. И когда он вполне убедился, что перед ним не «демон бестелесный», а живой брат Киндей (ибо, прошел слух меж братии, что брат Киндей почил, виновником же этого слуха был Прокл, который, то ли шутки ради, то ли сам поверив ложным слухам, распространил эти слухи меж братии), возвел руки к небу, возблагодарив Бога за столь радостное провидение и кинулся к братьям, и лобызая их и крепко обнимая живого Киндея, преисполняясь духовной радостью, благодарил Бога: «Слава Тебе, Отче неба и земли, что брат наш Киндей мертв был и воскрес, пропал и нашелся!» Затем, потрясая двухлитровым сосудом с пивом, который лежал в его дорожной сумме, он сказал: «Сей день, его же сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны...». После сих слов, братья, сошли вниз по склону и вошли в пределы Парамоновой пустыни. <E>

87. Авва Перикл настолько увлёкся мирской софистикой, что даже перестал приходить на братские агапы. Всё время и силы авва посвящал выяснению животрепещущего для него вопроса – каким образом Сократ любил Платона, и как часто. «Ну да», размышлял авва, «это ведь было тогда нормально». «Нормально же для каннибала Новой Гвинеи кушать органы врагов. Или скажем, вполне нормально в политике профанировать, для Медичи нормальным было отравление любовников и мужей тухлыми яйцами, всё зависит от того, с какой точки зрения посмотреть. Интересно, с какой точки смотрел Сократ на Платона, или скорее на какую точку тела. Хотя с другой стороны, точка эта не очень преподобно пахнет, но что поделаешь, как говорят – любовь зла. Вот только интересно, Платон пах козлом, или каждую ночь превращался в козла? Всё относительно, убеждал себя авва». На этой оптими-

стической ноте, авва насвистывая: «если красавица склонна к измене и перемене...» - усаживался за письменный стол и погружался в мысли Платона о справедливом государстве, где каждый сможет любить лошадь. И в самом деле, почему бы её не любить, некоторые узбеки, например, очень любят своих ослиц, а лошадь то куда предпочтительнее. <СТ>

88. Авва Гедеон был великий миссионер, с жаром проповедовал он Слово Божие, обошел он многие земли, дойдя до пределов Кавказа. Однажды, рассуждая сам в себе, куда бы совершить ему очередное миссионерское путешествие, получил Гедеон подарок от одного брата. Два диска с играми, на одном была игра под названием «Морровинд», на другом – «Готика». Подумал Гедеон: «и зачем мне это?», но, запустив эти игры, весьма обрадовался. Открылись пред ним великие миры Морровинда и Готики, и, как оказалось, не ведомо было этим мирам Благовестие Христа Спасителя. «Велик Господь!» - воскликнул авва, и решил пройти эти миры с проповедью Евангелия. Но, вступив на эти, полные опасностей и чудовищ, земли дознал Гедеон, что они полны мерзости языческой и зловерия. Итак, приняв облик высокого эльфа, вступил Гедеон в Морровинд и, вооружившись даэдрическим мечем и эльфийским луком, стал насаждать Слово Божие. И подолгу отсутствовал, так что братия немало волновалась о том, куда же пропал Гедеон, но Прокл сказал: «не волнуйтесь, мужи братья, ибо брат наш Гедеон проповедует в геймплее». <Е>

89. Было однажды, пошла Анфуса в обитель Св. Георгия, где она подрабатывала (ибо все из братии подрабатывали, кто где, так зарабатывая себе на хлеб) в качестве привратницы. Прокл же пошел с ней. И когда они пришли и вошли в храм Божий, то встретила их там привратница. «Так, так, - сказала она, осматривая Прокла, - ну что пришла? Хорошо, подожди пока, сейчас я закончу свои дела и сдам тебе дежурство». Так сказав, она ушла по своим делам. Прокл же с Анфусой направились в сад, который был при церкви и, сев

там, утешали друг друга духовной беседой. И, не заметив, как прошло время, но опомнившись, поспешили обратно. Когда же вошли в церковь, то привратница, приняв боевую стойку, уперев руки в боки, стала весьма громко порицать блаженную: «Так, так! Ну, нагулялись? О, каково нахальство! О, бесстыдство! О, каково нечестие! Привела хахалю и устраивает здесь шашни!» Блаженная же невозмутимо ответила ей: «Госпожа, прости и не суди нас, не уж то ты думаешь, что мы можем так поступать, находясь в храме Божиим?» Но привратница и слушать ничего не хотела и еще пуще накинулась на них: «А где ж, как не в храме? Знаю вас нечестивцев!» И осыпав их бранью, стала поспешно собираться, невозмутимо полагая на челе своем Крестное знамение и причитая: «Уже б десятый сон видела, если бы не эта нахалка, которая шашни водит. Да еще где! В преславной обители Св. Георгия!» После ее ухода, Прокл, скорбя об этом человеке, рассуждал: «Неужели так можно думать о ближних своих? Более же о тех, кто и повода не дает? *Ибо, всякий любящий Бога, уже не творит грех к смерти* и в любви не помышляет греха. Ибо любовью той они связаны, которую преподал своим последователям Христос, растворив ее в Евхаристии, когда рек Он ученикам Своим: “*Заповедь новую даю вам: Да, любите друг друга, как Я возлюбил вас*”, подавая ученикам Своим, чрез вино и хлеб, Самого Себя в пищу: постижения духовного гностического идеала, который делает подобным Богу, по Образу Иисуса Христа». Анфуса же сказала: «Не скорби, о том, что некоторые лишь плоть способны видеть, ибо не *всякому гносис*. И лишь о том молиться станем, чтоб *глаз* тот, что *соблазняет* их, прочь вырван был и брошен вон». Так рассудив, восстали на молитву, воспев преславное Успенье Богородицы. Остаток ночи провели они в покое, дав телу брэнному почить сном кратковременным. Утром же восстав, направились они обратно. На пути повстречался же им Хомоний, и тот помышлять стал о них то же, что и привратница, чем ввел блаженных в немалое удивление. Ибо Хомоний (сам томимый уже долгое время любовью к Анфусе, хотя видеть в ней спутницу

жизни), обратившись к Проклу, как к сопернику, но будучи поистине человеком незлобивым и кротким рек ему тако: «О, брат, сокровищем владеющий таким, какое б я желал иметь. Ты береги его, сосуд сей хрупкий не разбей. Он дорог очень мне, но раз в твоих руках сейчас, то лишь одно прошу: не посягни разбить его, иль опрокинуть, но как великую святыню береги». Обратившись же к Анфусе прорек: «Цветок степной, красы неопикуемой. Велик тот дол, где взору моему предстал сей цвет и то благоуханье, что источает он. Его сорвать и посадить в моем саду желаю. Но ныне не могу, поскольку ветры дол тот обуяют. Но лишь одно тебе скажу и помни то всегда: Анфуса, ты моя судьба». Отвечала ему блаженная на это таинственными словами: «Моя судьба – ковер мой – цветочный луг». Такие встречи и речи повергли Прокла в немалое томление духовное, так что затворившись вечером в своей келлии, провел он весь вечер и пол ночи в таких думах: «Приобрел я себе друга и нашел человека среди людей. Но она жена, и в этом многие измышляют повод для соблазна, тем самым оскверняя не наш духовный союз, но оскверняясь в помыслах своих. Итак, приобретаю другом себе жену, кого приобрел я: друга или жену? С одной стороны жене свойственно быть с мужем, ибо к мужу... *влечение ее*, но безусловно ли сие определение или есть положенный ему предел? Ибо Писание говорит, что во Христе нет *ни мужеского пола, ни женского*, таким образом, полагая превосходение естества во Христе. Иными словами, живя по естеству плотски, не избежать узы плоти, но, облещись во Христа – Полноту благодати – жить по естеству, но превосходя естества чин, по благодати дарованной Спасителем, по сказанному: *идеже хочет Бог превосходится естества чин*». Когда же рассуждал он, таким образом, то услышал он тихое пение, слов же не расслышал. Тогда подойдя к окну, увидел он, как проходит некто, мелькая чрез решетку забора, оставляя тень по себе (ибо ночь была лунная и ясная). Выйдя из келлии, пошел Прокл к сему человеку, и, подойдя ближе, узнал его, ибо это был св. Парамон. «Отче святой, - радостно окликнул его Прокл, - как же душа моя желала тебя ви-

деть». Святой же подойдя к Проклу, обняв его и облобызав, сказал: «Поэтому, наверное, случайным образом я и здесь» (Святой всегда говорил так, чтобы сокрыть истинные причины своих деяний, ибо ничто случайного он никогда не делал и не говорил, так поступил он по великому смирению своему). Тогда поведал Прокл ему свои думы и, выслушав его, ответил блаженный старец: «Томленье сердца твоего – того являет признак, что тесно в нем тебе. С подобным приходила ко мне и Анфуса, дочь моя², ей в утешенье я советовал в молитве лишь ответ искать. Есть рассужденья от ума, есть духа прорицанье. Ум от одного вопроса следует к другому. Молитва лишь ответы принесет». Так рек, простился старец с Проклом. И тот, вошедши в клеть свою, молитве сладостной предался. <Е>

90. Поведал однажды один брат Проклу такой случай: Было в обители одной, что настоятель ее, временами закрывался в келии своей со своим келейником и доставая, пожертвованный кем-то ноутбук, садились играть в игры. Так, поступал он, по его собственным словам «чтоб отвлечься от монастырской суеты и того уныния, которое оно способно породить» (знающий монастырскую жизнь, вернее ее внешнюю сторону – не молитвенную, должен понять о чем говорит настоятель). Когда же настоятель играл, послушник всегда находился рядом, смотрел и подсказывал батюшке, что, да как. И вот, проходя очередные лабиринты Doom'a и постреливая врагов и чудовищ, батюшка, подстрелив очередного монстра, так что из размозженной головы того мозга, разлетевшись, оседали на стенах, а кровь брызгала во все стороны, всегда вставал и, широко перекрестившись, говорил: «Господи, помилуй душу сию грешную». Келейник же, стоя на стороже, кричал ему: «Отче, слева бежит на

² Схолия Исолофея Библиотекаря: «О каком посещении здесь идет речь сказать трудно. Впрочем, см. новеллы 37, 57, в которых описываются посещения бл. Анфусой св. Парамона, но об этих ли посещениях говорится здесь, и о каком именно из них, это определить нет возможности. Возможно св. Парамон упоминает о каком-либо ином посещении бл. Анфусы не вошедшем в Патерик».

вас монстр!» И, отче, беря в руки джостик, вновь бил без промаха: бу-у-у-м-м-м!!! <E>

91. Славен был меж братии Парамоновой пустыни Перикл (получил он от братии прозвище «Малохольный»), тем, что никакая мысль человеческая не могла утаиться от него, т.к. он знал их все. Так, если приходил к нему, кто из братии, он без всякого напряжения открывал ему его же мысли. И если брат, или сестра в недоумении говорили ему, авва, но я совсем так не думаю. Он говорил: «Тебе так кажется, я же точно знаю, что ты думаешь именно так». Когда же Прокл и Анфуса допытывались у него: каким образом Перикл раскрыл в себе чудный дар, и за какие подвиги, отверз Господь его очи духа. Перикл же поведал им, и рассказал:

- Это совсем для меня не трудно, ибо я знаю это.

- Но каким образом? – удивлялись Прокл и Анфуса.

- Просто я знаю и все.

- Но как?

- Просто я думаю, что они так думают, вот и все.

- А если они не думают, как ты думаешь? - поинтересовались Прокл и Анфуса.

- Какие же вы простаки, - удивляясь им, говорил Перикл, - Если я думаю, как они думают, то, значит, они уже не могут думать иначе. Ведь первое – логично, тогда как другое – уже не логично. И, вообще, вам нужно научиться думать логически и научиться философии, которая ниспровергает всякие авторитеты, которым вы, в простоте своей, доверяете. <E>

92. Однажды, когда авва Киндей работал в сапожной мастерской (ибо, по ремеслу был он отличный сапожник), подошел к нему его сотрудник и говорит: «Это, наверное, к тебе пришли». Киндей встал, отер руки о фартук и вышел из цеха. Подходит к двери и зрит, вот, стоят у двери два брата мормона и ра-

достно улыбаются ему всеми своими, изнасилованными «блендамедом», 32-мя зубами. Но авва, зная их коварство и, что они несут не спасительное слово, а душепагубную ересь, сел на скамью и стал беседовать с ними, испытывая их веру. Беседа продлилась довольно долгое время, и все это время авва сидел на скамье, а несчастные мормоны стояли у двери, переминаясь с ноги на ногу. Тогда сотрудник его подошел к нему и говорит ему по-армянски: «Не подать ли и им скамью, чтоб сели?» Авва же отвечает ему (так же по-армянски): «Нет, ибо я уже закончил беседу с ними». И обернувшись к мормонам, говорит им: «Слишь, ара, ану пошли вон отсюда!!!» Они же, в страхе и трепете, бросились наутек. И больше не появлялись мормоны в тех краях, ибо сильно боялись авву Киндея, и не могли противостоять его великому духу, крепкой вере в Православие и рвению.<E>

93. Благословенна Парамонова Пустынь и память о первых подвижников ее свято сохраняется, и подвиги отцов, воспеты сынами. Множество нетленных сокровищ оставили сынам отцы, что-то записав в книгах (бережно сохраняемых), а кое-что передали устно. Так, авва Ур Скитоначальник записал множество историй об отцах, своих современников, и вот, один примечательный рассказ из книги аввы Ура «Пир отцов», поведаем мы, в воспоминание и назидание ищущим мудрости. Итак, в свитке аввы Ура повествуется об авве Киндее дословно следующее: «Один новоначальный брат прослышав о премногих благодатных дарованиях аввы Киндея прибыл в Парамонову пустынь научиться благочестию. И когда узрел он правило аввы Киндея о трех чашах премного смутилось сердце его. Авва же, прозрев духом мысли его, сказал ему: «Брат мой! Я не люблю лицемерия. Скажи мне кем ты был в миру?» «Недостойнейшим патологоанатомом, но пил всегда в меру, – отвечал брат тот». «А я в миру был сапожником и пил как сапожник, так что сии три чаши Господь вменяет мне в воздержание велие и за воздержание сие увенчивает меня многогрешного дарами благодарными, – говорит тогда ему авва Кин-

дей». И брат умудрившись и получив утешение велие отправился во своя си». <Ю; Е>

94. Авва Киндей в своих «Воспоминаниях (Υπομνήματα)» вспоминает об одном случае, приключившемся с аввой Проклом и блаженной Атэкусой. Так, он, описывая жизнь и подвиги их, ибо знал о них не понаслышке, но сам, быв свидетелем их жития, будучи сотаинником аввы Прокла, так что сии отцы не скрывали друг от друга ни один помысел, делясь всем, и совместно ниспровергая злоковарные планы духов злобы, как повествует об этом авва Киндей в начале третьей книги. Говорит же он в своих «Воспоминаниях» - в третьей книге – следующее: «Было однажды, когда мы с братом Проклом, по повелению свыше, должны были отправиться далеко на север в знаменитую Лавру, то, узнав об этом, сестра наша Атэкуса пришла видеть Прокла». Затем описывая жизнь этой блаженной, которую неции считали юродивой, он говорит, что она жила так уединенно, что многие из братии даже никогда не видели и лица ее. Не приходила она никогда на братские агапы, и скрывалась в своей пещере, которую вырыла она собственноручно. И жила она так, что никакая страсть не владела ей, и применительно к ней слова Апостола *все мне позволительно, но ничто да не обладает мною*. Лишь одно страстно влекло ее: искала она мудрости и божественного гносиса. И приходила часто к авве Проклу, он же учил ее читать и писать.³ И далее он пишет: «Тогда пришла она к нему в келию и беседовали они довольно о писаниях божественного Григория. Когда же настало утро, сестра говорит Проклу: “Я знала, что ты уедешь, и не увижу более лица твоего, но это случилось скорее, чем предполагала я, и на случай сей, хранила я дар для тебя”. После же сего вынула она из сумы армейские сапоги, кои носили только элитные легионеры Августова полка.

³ Схолия Исолофея Библиотекаря: «Здесь следует понимать, что говорится “читать и писать” не в том смысле, что она училась у него началам грамматики, а так, что он открывал ей гностическое понимание написанного Отцами, чтобы она научилась читать и правильно понимать, и излагать мысль Св. Отцов».

Сии каллигулы не боялись ни влаги, ни зноя, ни холода, и она, достав их, подала их ему. Он же приняв этот дар, носил их, и однажды поведал мне, сказав так: “Сии сапоги кои видишь на мне - сапоги смирения”. Я же спросил его: “Что значит сие?” На что он ответил мне: “Ибо чрез них Господь смирил меня”». <E>

95. Однажды, братия Парамоновой пустыни, собравшись вместе, рассудили меж собой: сделаем так, что возьмет каждый себе жену, или сестру – спутницу – и да пребудет с нею в благочестии и чистоте. Так и поступили. Разошлись же они, каждый в том направлении, как легло им на сердце. Авва же Киндей сказал братии на прощание: «Велик Господь, да благословит он намерения сердец ваших, отцы и братья. Мне же положил он на сердце пребыть одному, и я свидетельствую вам, что так и поступлю, ибо я лучше “съем перед ЗАГС’ом свой паспорт”, как говорит некий певец, нежели пойду искать спутницу». И, сказав так, открыл он братии намерения свои, что решил он удалиться далеко на север, в Великую Лавру прп. Сергия. Братия же и сестры Парамоновой пустыни, со слезами провожали его. Прокл же отправился вместе с ним, сопровождая его в пути. Там провел Прокл с аввой Киндеем одну седмицу, пребывая в посте и молитве и, приступив к Святейшей Господней Трапезе и приобщившись, вернулся обратно. И, когда вернулся в город, там ждала его блаж. <...>⁴ и говорит ему: «Желаю, чтоб взял ты меня спутницею, и буду тебе сестрой, верным другом и как повелишь мне, так и поступлю». Он же сказал ей: «О, возлюбленная сестра, так и поступим, как говоришь». Затем вошли они в Пустынь и увидел Прокл, что пусты келии некоторых братьев. И сказал Прокл блаж. Анфусе: «А где же братья Герохд, Гедеон, Перикл, Памфил и другие? Ибо я вижу среди них лишь Парозна, Африсия, и сестр Атэкусу и Платониду». Блаж. же сказала Проклу: «Многое произошло

⁴ Схолия Исолофея Библиотекаря: «В рукописи, бывшей у нас под руками имя этой блаженной кем-то намеренно стерто, но из дальнейшего повествования напрашивается тот вывод, что под этой блаженной следует видеть блаж. Анфусу. Более того в одной коптск. рук., представляющей собой сборник от основного текста Патерика, на этом месте стоит и имя блаженной, по-коптски звучащее как: **ϩⲟϥϣ**, т.е. “цветок”, имя же блаж. Анфусы – в греч. – так же имеет значение “цветок”».

за время сие, друг мой, когда ты отправился с возлюбленным нашим братом Киндеем в Лавру, Перикл, Гедеон, Герохд и другие поспешно удалились из обители и каждый, как слышала я, уже взял себе жену». Услышав сие, возрадовался Прокл и, преклонив колени, они помолились о братьях, сущих далеке: блаженном Киндее-затворнике и о братьях Гедеоне, Герохде и Перикле. Затем вошли они в келию Прокла и беседовали до утра, и пили вино, и исполнялись сердечной радостью, и славили Бога. Прокл же спросил блаж. Анфусу: «А как же братья Пароэн и Африсий?» Она же отвечала ему: «Пароэн ...⁵ и когда же Африсий стал помышлять об этом, то исполнилось его сердце грустью, ибо много имел он жен на примете и не знал какую взять. Ибо он говорил, что всех их любит одинаково. Так же имел он любовь к интернету и говорил: “А мне и так хорошо, ибо интернет мне и друг, и жена, и спутник”». И опять спросил Прокл блаженную: «А, что ты знаешь о братьях Герохде, Перикле и Гедеоне?» Она же отвечала: «Немного, но верный слух дошел до нас, что они нашли себе жен. А не далее как вчера пришли от каждого из них послания, где они пишут, что приедут в обитель к празднику Покрова Божией Матери». При наступлении же дня праздника Покрова, когда братья были собраны вместе, вдруг, сделался великий шум и ликование, и вся пустынь пришла в движение. И когда братья встали и вышли за ограду, то увидели шествующих: Гедеона, Перикла и Герохда. Впереди всех шел Перикл Философ, а за ним поспешно следовала некая жена. По виду ее догадалась братия, что это и была избранница Перикла, ибо она полностью соответствовала его представлениям об идеальной красоте. Идеалом же красоты для него была девушка, которая бы не носила покрывало на главе своей, не обременяла бы свое тело излишком одеяний, а также любила философию Платона. Сия дева едва поспевала за Периклом, который деловито шел впереди и громко декламировал изречения Платона о любви к идеальной красоте, и

⁵ Лакуна в тексте, неизвестного размера.

смиренно несла в руках своих полное собрание сочинений сего, возлюбленного Периклом, философа. Глава ее не была покрыта, а наготу тела ея скрывало легкое опоясание. За ним широкой поступью шествовал Герохд. Замыкал сие шествие Гедеон в сопровождении жены и ее матери.<E;K>

96. Было однажды, искушал авва Пароэн блаж. Анфусу (не зная впрочем, что она была сестрой, избранницей аввы Прокла), это произошло, когда, по случаю праздника божественного и всехвального Апостола Фомы, нарицаемого Близнец, братия собрались вместе в подворье Церкви Святого Георгия [Победоносца]. После непродолжительной агапы они вели беседы о хиротонии и хиротесии, и о божественной любви и всеведении Божиим, о Его созидании и промысле, и о том: ведал ли Адам любовь Божию в совершенстве (т.е. была ли она вложена в его естество во всей полноте, или, будучи свободным, он ее мог выбирать и раскрывать), или познавал ее лишь отчасти, затем, чтобы усовершенствовавшись в ней, обладать ею, вкупе с женою своею, и тако пребывать по подобию Божию, будучи подобно Богу, богом сотворенным. Беседа породила множество разноречивых мнений. Иное говорил Перикл (увлекшись теперь философией Гегеля), иное говорил авва Гедеон, перечая Периклу, иное говорили Прокл и Анфуса, пытавшиеся примирить противоположные стороны. И когда авва Перикл покинул собрание, то сказал на последок: «Вы просто не понимаете мудрости сего мужа» (говорил же он сие о Гегеле), тогда восстал Пароэн и рек: «Братия! Возвеселимся в этот великий день!» И, восстав, блаженные Прокл, Анфуса и Гедеон вышли вслед за Пароэном. Он же, введя их в место, называемое *бет-сабба*. т.е. – дом вина, предложил им трапезу: вино, хлеб и мясо. Гедеон же сказал: «Простите, отцы и братья, я же не останусь среди вас, ибо взял я обет и посему не пью вина и сикера. Вы же идите с миром». Они же ответили ему: «Мир да пребудет с тобой». Итак, облобызавшись, отошли каждый в свою сторону, Гедеон в свое место покоя, где предался изучению наследия великого Дионисия, папы Александрийско-

го, а Прокл и Анфуса пошли вкусить от трапезы, которую предложил им авва Пароэн. И вот, Пароэн предложил им вино и хлеб, и мясо, а сам (будучи верен своему правилу) не пил вина, т.к. он утолял свою жажду токмо крепким сикером, который производят в скифских землях, и иже глаголется по-славянски *водка*. Авва Прокл и блаж. Анфуса смиренно поклонились щедродару Пароэну и, возблагодарив его за сие утешение, немного вкусили и испили от предложений. <Е.>

97. Иное из «Воспоминаний» аввы Киндея, из третьей книги: «Многое имею в памяти, но не много могу записать в своих памятных заметках. О брате Прокле и сестре Атэкусе поведаю же один случай. Было же незадолго, до того, как по промыслу и предведению Бога, я должен был покинуть Парамонову пустынь, ибо отверз Господь мне великую дверь и путь, Прокл сопровождал меня и по дороге поведал мне свою историю» И немного далее: «Прокл же с Атэкусой сидели в книжной лавке, Прокл, узнав, что там есть свободный источник wi-fi, подсоединился к интернету и увлеченно бороздил неисчерпаемые пространства инета. Атэкуса же с любопытством наблюдала за этим, дивясь тому, как это Прокл все успевает». И немного далее: «И когда речь зашла о вине, вот в этот момент, как рассказывал мне Прокл, видят они, что зашел в лавку авва Ур и стал перебирать и смотреть свитки. Говорит же Прокл Атэкусе: “ну вот, теперь не до вина, ибо если брат Ур услышит сие, то не одобрит это и назначит нам епитимию”. И помолчав немного, добавил: “давай тайно уйдем, чтоб не заметил нас”, и, взглянув на блаженную, которая пристально смотрела на него своими огромными зелеными глазами, и, как бы испугавшись, поник взором долу, немного покраснев. Оба замолчали и задумались о своем. Прокл наблюдал за Уром, который рассматривал свитки, а Атэкуса смотрела куда-то вдаль. Затем, вдруг, она прервала молчание и сказала: “давай уйдем”». И затем: «выйдя на улицу, они огляделись и заметили вблизи лавку, и, зайдя, купили вина». И немного далее: «Так они распо-

ложились в одном из дворов какого-то поместья и выпив вина, стали беседовать. Вдруг, их мирную беседу и невинный досуг прервал какой-то шум, ибо они заметили, как из дома поспешно вышел некий муж и стал нервно нечто курить, делая большие затяжки, чмыгая и кашляя. Прокл же уразумел, что он балуется канабисом, призвал к себе мужа сего. И когда тот подошел, сказал ему: “дай и мне”, тот же ответил: “мал еще” (так он сказал, ибо Прокл был мал ростом (μικροφύς) и неприглядного вида, и в вечерней темноте казался совсем юным), на что блаженная Атэкуса ответила: “если бы знал ты, какой человек это, ты бы не говорил так”. Прокл же сказал: “довольно”, и, обратившись к мужу, сказал: “Итак?” Тот же уразумев, по виду и речи этих, что они необычные люди, подал Проклу вещество. И взял Прокл, и курил немного, Атэкуса же причитала и говорила: “ты же знаешь, что я никогда не одобряла, когда ты это делаешь”. И когда перестал курить, выпил немного вина и сказал: “бедные дети”. Муж же тот спросил Прокла: “о чем это ты говоришь и кто вы господа?” Атэкуса ответила: “мы философы”. Прокл же сказал: “я говорю о вымирающем поколении, потомках хиппи, далеко ушедших от пути отцов их, ибо если первые спали на траве, украшали себя травой и цветами, вкушали траву, курили траву, пели и любили, то эти сидят на отвертках, Red bull’е, и прочей отраве, изнасилованные дешевой культурой и доморощенной мистикой, плененные интернетом и телевидением”, итак он продолжил речь довольное время, заключив: “отцы их почили, не придя в покой, починут и эти, не познав пути”. После сих слов, тот муж пришел в восторг, и хотел было слушать далее, но Прокл отпустил его с миром. Когда же остались наедине, то спросила его Атэкуса: “не строго ли ты судишь, ибо и к тебе приложимо то, что говоришь?” Прокл же сказал: “мы все равно свободны, но лишь та свобода не пленяет, которая руководствуется разумом, справедливостью, мужеством и кротостью”. Мог бы я продолжить речь и далее, ибо многое в тот вечер сотворили Прокл и Атэкуса, но прочее ушло из памяти, осталось же только это» Так у аввы Киндея в третьей книге «Воспоминаний». <Е.>

98. Однажды авва Прокл спросил авву Киндея хочет ли он жениться, тот же ответил: «не хочу жениться, а хочу учиться». <Е.>

99. Однажды пришла в Парамонову пустынь жена и повстречала авву Парамона и говорит ему:

- Ты монах?

Он же отвечал:

- Милостью предведавшего обо мне Бога Спасителя, я монах.

- Скажи же мне, монах, много ли вас здесь?

- Он отвечает весьма много, жено.

И говорит ему:

- Вот, города опустели, а пустыни наполнились мужами, если же так продолжится, то не будет нам мужей, от кого бы мы рожали детей, и мир прекратится.

Говорит же ей авва:

- Веришь ли ты в Бога, жено?

- Верю - отвечает ему.

- И признаешь ли промысл Его над нами?

- Да, признаю.

И зделав паузу, и как бы весь поглощенный своей мыслью, блаженный Парамон посмотрел на нее, а затем сказал:

- Так если признаешь, то признаешь и то, что не оставит он промыслом Своим ни тебя, ни меня, ни всякую душу уповающую на Него. Так, что веруй жено, и сомневайся, ибо есть промысл Его и о тебе - чтоб рожала ты детей мужу своему, и о мне, дабы я служил Ему в воздержании моей. <Е>

100. В один из весенних дней, когда Парамонова пустынь особенно прекрасна, а ее насельники, итак проводя жизнь тихую и необремененную - во дни

Великого поста - оставляя свои келлии, удаляются в дальнюю пустынь, чтобы проводить еще более строгую жизнь. Источник, который является одним из чудес пустыни, в эти дни становится местом паломничества, ибо ходят в народе слухи о его целебной силе.

Но впрочем, слово мое, соблазненное красотой Творца и той гармонией с какой сотворил Он природу, насельниками которой являемся мы, увело меня от повествования, которое прилично мне обнажить, ради памяти о славных деяниях незабвенных отцов Парамоновой пустыни.

Не буду более томить тебя, о, читатель этих строк, и в меру сил моих изложу один случай, который не должно предать забвению, ввиду его нравоучительности.

Однажды посетил Парамонову пустынь философ, уж имени его не помню точно, кажется его звали Карпократ и был он последователь школы скептиков.

Когда же вошел он в пределы пустыни, узрел, что происходит в ней великое скопление братии и все радостно ликуют, а было то по случаю возвращения в обитель славного господина аввы Киндея, который удалялся на север в Великую Лавру. Из братий же, особо знаменитейших, вышли встречать его аввы Гедеон из Семполиса, Прокл из Александрии, Софроний из Александрии. Другие же из братий, как-то Ур Танасийский, Перикл из Афин, Пароэн Темерийский, Герохд из Персеполиса должны были прибыть позже.

Когда философ поинтересовался о Киндее, предположив: не он ли настоятель братии, то ему ответствовали, что нет, но это авва Киндей, весьма мудрый подвижник, а настоятель же пустыни, господин авва Парамон, отсутствует.

Узнав, что этот муж мудрец, философ решил испытать его, и, подошед, приветствовал его словами:

- Великий авва, вот уже весь этот край наполнился слухами о мудрости твоей, пришел же и я, имея вопросы к тебе.

- Кто ты и откуда, - спросил его авва, смущенный его приветствием, - и кто сказал тебе, что я велик и мудр; поистине Велик лишь Господь и мудрость от Него же!

- Я Карпократ из Клеомен, пришел искать ответы на мои вопросы.

- И что же за вопросы у тебя?

- Я нахожусь в великом затруднении, с одной стороны - принимая то, что Бог - благой Творец, а с другой - поражаюсь тому, что много в мире зла и того, что не соответствует гармонии, ибо если Благой сотворил этот мир, будучи Благ по природе, то и творение его, следовательно, неизбежно есть благо. А если же так, то как в нем находится место злу и тому, что противно благому замыслу Творца?

- Но это ли удивляет тебя, философ, ведь кому, как не тебе должно знать, что все приведено в соответствии с изначальным замыслом Творца, ибо он пожелал создать мир - для человека, наделив его свободой и самовластиею, поставив возделователем и царем земли.

- Да, я считаю, что это так, - ответил философ, осматривая авву Гедеона, стоявшего подле аввы Киндея, это был великан, так что стоявший подле него авва Прокл, едва доходил ростом до его плеч.

- Но если ты принимаешь то, человек создан самовластным (автократором), по подобию и тех существ духовных, кои окружают и населяют пространство меж небесами, то ты принимаешь и то, что некоторые из этих духов злоупотребили своим даром и ниспали, обратив свое достоинство в позор?

- Да, я принимаю и это – не задумываясь, ответил философ.

- А если так, то представ себе такой случай: Мудрый правитель построил в одном городе гимназий, где бы юноши могли проходить круг благородных дисциплин, и построив его отбыл в столицу, но наместник той страны, обратил этот чудный гимназий в дом непотребства и вместо училища благородства, соделал его блудилищем. Царь же, видя, что в той стране люди мудры и имеют врожденные благородные качества, сказал: "Я не буду вмешиваться

сейчас, дабы не назвали меня деспотом, но положусь на благородство и мудрость моих подданных, и таким образом, испытаю их верность ко мне, а вот, когда посету сию страну, через два года, произведу справедливый суд и накажу преступников". Вот так и Господь наш Милостивый и Праведный, сотворив все согласно вечным и благим своим умопредставлениям, и предопределив все ко благу, но оставив и свободу самоопределения, поступает таким же образом. Ибо, если Он силой вмешается, то уже не останется в нас места свободе и самоопределения, но так не угодно поступать Владыке мира, ибо он ценит нашу свободу и выбор. Но согласно Его всеобщему промыслу, в котором от вечности умопостигает Он свое творение и определяет его ко благу, мы дадим отчет в делах наших, и то, что выбрали и к чему стремились, то и получим.

Пораженный этими словами, философ, стоял потупив взор, как будто, он о чем то усердно размышлял, затем он, воспрянул и сказал:

- Спасибо тебе, авва, действительно велик ты и мудр, как говорят о тебе, ибо ты все верно объяснил мне, и даже дал ответы на то, на что затруднялись дать ответ великие из философов, жизни и учению, которых я следую.

Авва же Киндей, благословив его, отпустил его с миром. <Е>

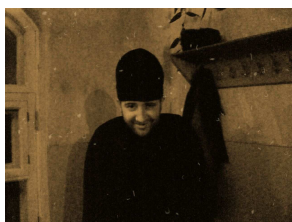
{Конец первой книги о жизни и деяниях блаженных отцов Парамоновой пустыни}

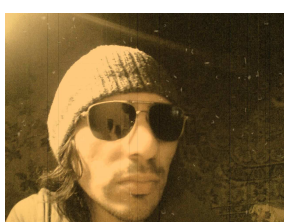
ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. ФОТОМАТЕРИАЛЫ.

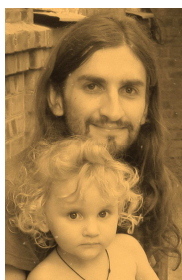
Братия Парамоновой пустыни.

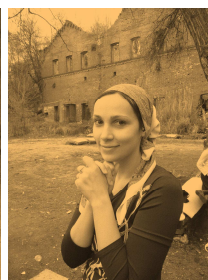
АВВА КИНДЕЙ

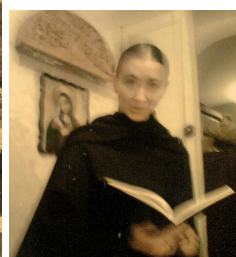
АВВА ПРОКЛ

АВВА УР

БЛАЖ АНФУСА

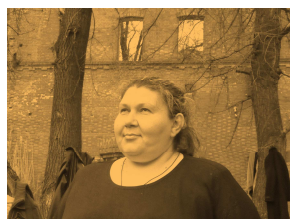
БЛАЖ АТКУСА

АВВА ГЕДЕОН

АВВА ПЕРИКА

БЛАЖ АННА ПЛАТОНИДА

АВВА ГЕРОХА

II. СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Словарь имен собственных.

Парамон – греч. *твердый, постоянный.*

Терентий – греч. *полирующей, растирающей.*

Анфуса – греч. *цветок.*

Атэкуса – греч. *нерождающая.*

Прокл – греч. *далекий.*

Геден – евр. *разрушитель*, или (по Иерониму. Lib. de nom. Hebr.) *окруженный*, или даже *испытание их неравенством.*

Киндей – греч. *подвижный.*

Ур (Хур, Ор) – др.евр., восход. к шумерск. *белый, нора, подземелье*; возм. интерпр.: белый камень.

Перикл – греч. *весьма славный, знаменитый*.

Парозн – греч. *любитель выпить*.

Хомоний – греч. *разногласый*.

Африсий ~ греч. *пеночный*.

Платонида – греч. *широкая*.

Руфина – лат. *рыжеватая, рыжая*.

Герохд – ? Идентифицируется как *отпущенник Вавилона; отпущение Вавилона*.

III. ДОПОЛНЕНИЯ.

*Некоторые истории, не вошедшие (по тем или иным причинам)
в основной состав Патерика.*

1. Прислал как-то авва Терентий письмо (SMS) блаж. Анфусе, прося вымолить его. Блаженная же, сознавая свое недостойство, ответила ему: "Аз есмь пес смердящий, попроси лучше авву Хомония (ибо сам Терентий рассказывал ей накануне об исцелении одной паломницы по молитве Хомония)". Терентий же, друг парадоксов, написал ей в ответ: "НЕ-НАВИЖУ", чем привел блаж. в недоумение...<К>

2. ... Через некоторое время вышел Прокл из обители той и удалился далеко на восток, поселившись в Лавре Вет-Салим (Бэт-Шлом), где руководил братьями знаменитый подвижник, римское имя которого было Modestus, но все называли его по-гречески Αγαπητος, часто прибавляя ὁ Μέγας. Там подвизался Прокл два года, трудясь, молясь, пребывая в посте и хваля Бога... И так живя в Лавре, днем исполняя всевозможные послушания, а в свободное время, проводя в Лаврской библиотеке, так что приобрел немалое уважение среди братии. Некоторые из братьев любили приходить к нему и беседовать с ним о предметах духовных, нередко просиживая до поздней ночи... Некоторые же из иереев возбраняли такому общению меж братьями. Однако Агапит Великий строго обличал их говоря: "сказано: *духа не угашайте*, тем же, кто не взгревает дух свой от пламени Духа Божия, весьма труднопостижимо духовное видеть. Но горе тем, кто покусится угасить дух брата." И пока жив был Агапит, то не давал никому обижать Прокла... И всегда, когда видел Прокл авву Агапита, то, оставляя всякое дело свое, бежал к нему. Агапит же радостно приветствовал его: "Прокле, дитко", и благословлял. Но вот, пришло время человека Божия и исполни-

лись дни жизни св. Агапита. Тогда призывает к себе Прокла... Приходит Прокл и видит блаж. Агапита лежащего на постели. Говорит ему великий подвижник: "Проке, дитко." "Благослови, отче", - молвит юноша и слезы текут по ланитам его. "Бог благословит тя на всяко дело благо, я же вскормил тебя, как мог, и хранил от сего мiра (κοσμου), дабы сохранить тебя в мире Божиим (εν του ειρηνη του ο Θεου), но вот, исполнились дни жизни моей и трудов моих, во славу Господа моего. Слава Богу... Ибо всякий вверенный мне талант старался я приумножить для Бога, кого научением, кого увещанием, а кого и обличением, но всех любовью. И вот, насадил я для Бога поле и полил его, и удобрил, дабы возросло оно, как Ему угодно. Хочу же сделать последнее для тебя, и хочу, чтобы пошел ты на запад, к руинам Паранополя. Там несколько обителей есть... И руководит ими брат мой и сотрудник в Господе – Парамон. Не медли, отправляйся к нему, там найдешь ты братьев своих." Так молвил старец. Через некоторое время почил Агапит Великий и встал великий плач о нем в Лавре Вет-Салим. Когда же окончились дни плача по святому, тогда собрался Прокл, чтобы идти на запад, в место, которое указал ему блаж. Агапит... Но братия удерживали его, одни истинно любя, другие, зная, что любил его Агапит. Иные же, руководствующиеся плотским мудрованием, всячески гнали его, говоря: таковые, как он бесполезны для нас. Так прошло полгода.

Однажды произошел мятеж в Лавре, а Прокл в это время был в городе (носил работу братьев, чтобы обменять ее на еду), придя же в Лавру... и принеся провизию отдает ее эконому. И говорит ему эконому: "Вот, новый игумен хочет видеть тебя, иди". Приходит к игумену, и тот говорит ему: "Почему ты здесь?" "Я должен идти на запад, - говорит ему Прокл, - в Парамонову пустынь, но замедлил". "Вот и я говорю: иди в Парамонову пустынь; благословляю, иди с миром". И отпустил его. Прокл же приняв сие, как Божию волю, тотчас отправился в путь... Путь же Прокла пролегал с востока на запад, через Перайсмово море. Весь же путь Прокла занял по времени год и четыре месяца, ибо он делал остановки в Вавилоне (и жил там 80 дней), где познакомился с Киндеем, который изъявил желание идти с Проклом в Пустынь... И отправились Прокл и Киндей далее на Запад, минуя разные грады и веси, и дошли, наконец, до долины Скандалон, которая вела к морю...

Путь же чрез сию долину был весьма труден, ибо была она испещрена опасными топями и гиблыми местами, так, что было весьма опасно идти чрез нее в одиночку, благо же их было двое... По пути же повстречался им человек, который увяз в топи и почти уже тонул. Они же вытащили его. Звали же мужа сего Периклом, был он афинянин, и шествовал так же на запад... Оказалась, что и он тоже шел в Парамонову пустынь. Теперь наших путников было уже трое и они нашедши одну тропу стали придерживаться ее, и вышли

наконец к морю... И пришли они в один большой город, где был порт. И оказалось, что корабль, стоявший на пристани и собиравшийся скоро отплывать, как раз идет на Запад. Путники поднялись на борт и, рассмотревши сколько у них есть сбережений, убедились, что у них в совокупности ок. 70-ти серебряных монет. Тогда они, спустившись с корабля, пошли в город, дабы запастись всем необходимым в пути, а вав же Киндей особенно радел о том, чтоб было куплено в достатке вина, чтобы ничто не мешало ему исполнять положенное его правило...